

Елена Гостева
4-5

Стрекозка Горгона
1828 год

16+

Елена Гостева
Стрекозка Горгона. 1828 год

«Автор»

2017

Гостева Е.

Стрекозка Горгона. 1828 год / Е. Гостева — «Автор», 2017

4 и 5 части историко-приключенческого романа "Стрекозка Горгона". В 1828 году Россия победоносно завершила войну с Ираном. Но турецкий султан ещё осенью объявил священную войну России, начинается русско-турецкая война. Юные герои желают совершать подвиги, рвутся в бой. Кадет произвели в офицеры, их полк отправлен на Балканы. Главная героиня выходит замуж и сопровождает мужа. 1828 году русские войска заняли несколько крепостей на Балканах. Из книги читатель узнает о ходе военных действий в русско-турецкой войне, о том, как выросли и сражались юные офицеры.

© Гостева Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Гостева
Стрекозка Горгона. 1828 год
ЧАСТЬ IV

Глава 1

Занятия в классах, занятия на плацу. В классах зубрёжка, на плацу: «ать-два, ать-два!.. Выше ногу! Носок оттянуть!.. Ать-два!» Эти команды уже звучат в мозгу даже в свободное время, им подчинялось всё. «Ать-два!» Изучаем карты важнейших сражений. «Ать-два!.. Ать-два!» Едем за Красное Село, учимся делать съёмку местности, нужно представить подробную карту с обозначением всех строений, ручьёв, оврагов. «Ать-два!..» Фортификация: чем отличается редут от редана, тенальный фронт от реданного, осада крепостей, бастионы, фланки, верки, способы коронования гласиса...

«Ать-два!.. На плечо! К ноге!» Требуется, чтобы приклады во всей роте стукнули о брусчатку одновременно и желательно, чтобы мушкет звякнул мелодично, тогда звон и после того, как строй замер, звучит над плацем некоторое время. Солдаты из obsługi говорят, что такой звон портит ружья, поскольку ради него нужно винты ослаблять, однако на парадах эта музыка производит благоприятное впечатление на зрителей.

«Ать-два!» Вышли прогуляться по Дворцовой набережной, встретили семейство со строгой матроной во главе и тремя прехорошенькими барышнями, поклонились. Мадам бросила строгий взгляд, барышни послали в ответ кокетливые улыбки, склонив головки, чтобы матрона не заметила. «Ать-два!» Мимо маршируют дворцовые гренадеры, развернулись, отдали им честь.

«Ать-два!» Фехтовальный зал, сражаемся на рапирах, на саблях, потом дают тяжёлые дубовые пики, которые надо вертеть над головой и вокруг себя, словно лёгкое пёрышко... Занятия в классной комнате. «Ать-два!» Единороги, мортиры, фальконеты, гаубицы, дальность полёта ядра, гранаты, брандскугеля...

И снова на плацу: «Ать-два!» Но не тобой командуют, а теперь ты сам отдаёшь приказы. Дан взвод десятилетних мальчишек, птенцов, ничего не умеющих, вот и обучаешь их с азов: как плечи развернуть, как носок оттянуть. Со стороны граф Звегливец наблюдает придиричиво. У него и свой взвод таких же мальчишек есть, однако Звегливец – старший унтер-офицер, обязан проверять, как идут занятия у младших унтеров. Но сии птенцы, подопечные, уже час отмучились, достаточно. «Вольно! Разойтись!» Звегливец подошёл, перед мальчишками старается выглядеть грозным, а сам улыбку прячет:

– Смотрю на них и думаю: неужели и мы столь же смешными были? Лапин, помнишь себя таким?

– Да... Помню, как на старших с завистью глядел, какими все казались бравыми, умными, недосыгаемыми... А сейчас вокруг малышня, и всё больше их.

– И я обратил внимание: идёшь по корпусам, только и следи, чтобы не наступить на кого!

– А те, что нас с тобой вот так же на плацу гоняли, сейчас у Паскевича... Воюют там, куда русские солдаты ещё ни разу не доходили, где после Александра Македонского не знали других великих полководцев... И сможем ли мы когда-нибудь их догнать, сравняться в подвигах?

– Не переживай, и нам будет что завоёвывать. Может, еще Константинополь пойдём брать!

Возможно, вполне возможно. А малышня сегодняшняя будет с восторгом и завистью искать в газетах сведения об успехах их старших товарищей. А пока, уж не для того ли, чтобы не наступил на них кто, трое на липе повисли, а маленький князь Имеретинский стену штурмует – за родную скалу, что ль, принял? Не дай Бог, генерал Демидов заявится да увидит сию вольность. Отдохнули, и пора занятия продолжать. «Кадеты, строиться!» И снова «Ать-два!.. Ать-два!»

А Жорж Стародубцев на Кавказ не попал, он в гарнизоне под Оренбургом солдатский ранец таскает. Офицеры из мятежных полков в Кавказский корпус отправлены, им дана воз-

можность кровью искупить вину, а у Стародубцева, ни в чём не провинившегося, нет шансов в деле себя показать и стать офицером. Почти никаких шансов. А он бы тоже мог с малышнёй заниматься, и эти птенцы желторотые любили б Жоржа за его весёлый нрав без памяти, неотступно по пятам бы за ним следовали.

Друзья-кадеты, помня о незаслуженно наказанных товарищах, приняли решение, что теперь и ради них стараться должны. Если не сумеют те сами выслужиться, нужно хлопотать за них, подавать прошения. Выхлопотал же граф Алексей Орлов прощение для замешанного в мятеже брата, дав Государю клятву: «За двоих отслужу!» И франкмасон Михаил Орлов в родном имении живёт: хотя и под надзором, но все ж не унижен, не бит никем. Есть и другие примеры. Однако для того, чтобы перед государем ходатайствовать, нужно доказывать, что имеешь право ручаться за кого-то – своею храбростью, безупречной службой, подвигами во славу Отечества доказывать.

В корпусе дисциплина ужесточилась, больше никто по ночам не перелезал через стену и не отпраивался на самовольные прогулки по столице. Сергей, по крайней мере, давно об этом не слышал. Никому не хочется в солдаты попасть, а главное – опасаются кадеты Перского подводить, как бы ещё и директора не сместили. Демидов жесток и глуп, но он – начальник над всеми военными заведениями – нечасто сюда наезжает, его посещения, подобные варварским набегам, можно пережить, а если на место директора поставят самодура под стать Демидову, то настанет для кадет совсем невесёлая жизнь.

Однако здесь дисциплина всё равно не столь строга, как в Смольном. Бедные смолянки почти всего лишены. Сергей заходил по возвращении из летнего лагеря в Смольный, и там тощая похожая на крысу инспектриса неопределенных лет долго выпрашивала, кем он приходится мадемуазель Телятьевой, в результате отказалась её вызвать. Отрезала, брезгливо губы поджав, что лишь родному брату дозволяется говорить с воспитанницей без надзора взрослых. До этого дамы, дежурившие в приёмные дни, Таню вызывали, достаточно было сказать, что он кузен, сын её опекуна: следили с подозрением, когда Серж и Таня усаживались друг напротив друга, возле их стульев стояли, лоя с подозрением каждое слово, каждый жест, но видеться позволяли. А эта старая дева заявила, что если его пускали раньше, то ошибочно, и сию ошибку она намерена исправить.

И это теперь, когда у Сергея появилось огромное желание видеть стрекозку как можно чаще! Высказать бы сей надзирательнице, кто она есть на самом деле, но Тане ж хуже будет. Пришлось просить прощения и удалиться ни с чем. Назвал на прощанье даму «Мадам!», и та оскорбилась, поправила: «Мадемуазель!» Надеется ещё мадемуазелью зваться, крыса старая! И как Таня терпит, не протестует? Могла бы запросто языка лишить иль что другое придумать...

Однако «Ать-два!» Выше голову! Таня выйдет из Смольного и сразу же – венчаться! И будет счастлива, а надзирательница на всю жизнь в монастыре закрыта, останется ей лишь локти кусать от зависти к воспитанницам. Потому, видать, и изводит девиц, что сама счастья не знает.

Пришлось навещать стрекозку в сопровождении отца. Оказалось, после того, как крыса-надзирательница, возмущённая, шум подняла, директриса вызывала Лапина старшего, чтобы о сыне и его отношениях со смолянкой поговорить. К счастью, Амалия Львовна не старая дева, а вдова, имеющая детей и внуков, и не смотрит на каждого мужчину, как на извечного врага. Она лично ничего плохого не усмотрела в том, что между кадетом и институткой сохраняется дружба, однако сказала: её не поймут, если позволит взрослому и привлекательному молодому человеку навещать девицу без отца иль матери. Увы, на него и другие смолянки заглядываются, он и их покой смущает. И, конечно, речи не может быть о том, чтобы впредь отпускать барышню в дом, где холостой мужчина живёт. Детство прошло, теперь им опасно наедине оставаться. Передавая её слова сыну, Александр Петрович добавил:

– Ещё благодарите Бога, Сергей, что до Смольного не дошли слухи о Ваших интрижках с дамами замужними. Если вдруг услышат, назовут распутником и запретят появляться в приёмной зале Смольного вообще...

– С интрижками покончено, отец.

Старший Лапин хмыкнул недоверчиво:

– Покончено? Ну-ну, рад слышать. Однако подобные решения принимать легко, а исполнять, увы, нет. Хватит ли у Вас твёрдости?

К счастью, Таня упростила своего доктора передать письмо кадету Лапину. Через Якова Карловича они стали посылать весточки друг другу.

Глава 2

Под команды «Ать-два!» год 1827 заканчивался. Кадеты по газетам изучали, как на Кавказе перед русским оружием падают одна за другой иранские крепости, следили за новостями из сражающейся с османами Греции. О, как всех взбодрила весть о Наваринской битве, случившейся в октябре, когда соединённой эскадрой трёх держав был уничтожен турецкий и египетский флот. Султан в отместку объявил священную войну России. Пока к военным действиям не приступал, но было ясно, что новой войны с турками не избежать.

В феврале 1828 года с шахом был, наконец, заключён мир. Посланник России Александр Грибоедов привёз Государю договор, со всех сторон выгодный для России. Иран уплачивал большую контрибуцию, ханства Нахичеванское и Эриванское с древней Эриванью отошли России. Армяне получили право со всей Персии переселяться на территорию, подконтрольную Российской Империи, чем и спешили воспользоваться. Правда, не у всех была возможность: если семья армян издавна служила персидскому вельможе, разве согласился бы он отпустить своих слуг добровольно? Проконтролировать выполнение этого пункта договора русские не могли. Не то что армян, даже русских пленных, уже проданных в рабство, с трудом удавалось разыскивать. Предъявляли персидским чиновникам списки пленных, требовали, а те разводили руками: мол, не знаем где люди, умерли, наверно. Разве что сами солдаты каким-нибудь образом давали весточку – через купцов, через армян, тогда иранцы, угодливо кланяясь, приводили людей. Паскевич понемногу выводил уставшие и заметно поредевшие в боях войска из этой усмирённой страны. По договору последние русские части должны оставить Иран после полной уплаты контрибуции. А кавказским воинам отдыхать было некогда: их ждала новая война, на сей раз – с Блистательной Высокой Портой, Османской Империей.

Султан Махмуд выпускал прокламации к народу, фанатизировал подданных воззваниями, в которых проклинал Белую Царь и обещалась помощь Всевышнего в войне с неверными.

Из первого кадетского корпуса гренадеры и мушкетёры старшего курса, спешно сдав экзамены, были направлены в армейские части. Фельдфебелем, самым старшим из кадет по званию стал граф Звегливец, его друзья получили чины старших унтер-офицеров. Подшучивать начали, какие ж порядки в корпусе они теперь устанавливать будут – грустно подшучивать, поскольку в прошлом на эту тему больше всех любил фантазировать Жорж Стародубцев, он говаривал: «Эх, когда мы будем самыми старшими, тогда уж...» Но не успели ничего осуществить, как генерал Демидов приказал и их отделения срочно готовить к выпуску. В других военных училищах и корпусах также юношей стали досрочно экзаменовывать. В армии не хватало офицеров, приказ исходил от военного министра.

В столичном военном округе формировался новый драгунский полк. Директор кадетского корпуса Перский командира сего полка, графа Сухнена, к себе пригласил, упросил взять юных выпускников корпуса: чтобы мальчишки хотя б не прямо в бой шли, а ещё здесь опыта поднабрались, пока полк комплектуется. Полковник Сухнен на экзаменах присутствовал и многих к себе пригласил. Он и всех бы взял, если б начальство позволило. Воспитанники первого кадетского корпуса, даже и не до конца освоившие науки, всё равно в знаниях и навыках намного превосходили выпускников дворянского полка и волонтёров. В новый полк перешёл и преподаватель Бегичев. Не хотел директор отпускать его, и в корпусе толковые честные офицеры крайне необходимы. Но Бегичев настоял, сказав, что, во-первых, у него сердце кровью обливается, когда представляет, как не получившие полного образования мальчишки в бой пойдут. Во-вторых, добавил:

– Поверьте, Михаил Степанович, я и за себя боюсь. Недавно видел, как адъютант Демидова за уши нашего кадета таскал, и я ему лишь корректное замечание сделал, а сейчас перед

самим собой стыдно, за трусость себя ругаю. Надо было пощёчину влупить. В следующий раз обязательно так и поступлю.

Перский вздохнул огорчённо:

– Вы не трусливо поступили, а как умный человек, что не за себя одного отвечает, а помнит о тех, кто за его спиной стоит. А сейчас рассуждаете, как мальчишка. Но если опасаетесь, что в другой раз не сдержитесь, что ж, идите в армию. Однако кем же я Вас заменю? Если пришлёт Демидов грубияна себе под стать, будет ли лучше?..

Посокрушался директор, но прошение Бегичева подписал.

14 апреля 1828 года Император Николай I издал манифест об объявлении войны Османской Империи.

Глава 3

Лапин и граф Звегливец были почти на седьмом небе от счастья, узнав, что командиром их второго эскадрона стал капитан Бегичев. Мало того, что с друзьями вместе служить выпало, так ещё и под начальством любимого преподавателя.

А Обручев и Красовский, познакомившись со своим командиром, капитаном Петровым, растерялись, не знали, как к нему относиться. Выглядел тот настоящим служакой, эфес его шпаги украшал орден Анны 4 степени, на груди красовались орден Владимира с бантом и солдатский Георгиевский крест, но по возрасту он юным поручикам в отцы годился, Петрову было уже 44 года. Ордена свидетельствовали о храбрости, но не был он для молодых дворян своим. Петров Анисим Пахомович происходил из крестьян, ему лоб забрили ещё в начале века, в войне с турками он получил солдатский знак отличия, затем – первый офицерский чин, в войне с Наполеоном удостоился ордена, дающего право на звание дворянина. Для новобранцев из крестьян, их капитан, несомненно, был обнадеживающим примером, но Обручев и Красовский, узнав, что под начало бывшего крепостного попали, сочли себя оскорблёнными. Представьте, упомянешь в разговоре Гомера или Платона, а он и понятия не имеет, что это за личности такие! О менее удаленных по времени Вольтере и Руссо разве что спросит: те, из-за коих во Франции бунтовщики расплодились, что ль? О великом Овидии скажет: слышал, будучи в Молдавии, что в окрестностях Аккермана могилу какого-то Овидия находили. Вот и все его познания! И о чём с капитаном беседовать, кроме службы? Лишь позже, узнав получше его душевные качества да выяснив, что есть и родовитые дворяне, знающие не больше этого мужика, да к тому ж познакомившись с его женой – дворянкой, перестали досадовать. Да и осознали, что рассуждения о вольтерах и овидиях жизнь не спасут, на войне нужнее конкретные военные умения, в коих Анисим Пахомович многих дворян превосходил.

Сергей Лапин, приняв взвод, был ошеломлён тем, что все рекруты старше его, всем больше двадцати лет. Перед Отечественной войной в армию призывали мужчин от 15 до 36 лет. Статистика показывала, что из не окрепших ни телом, ни душой новобранцев многие умирали на первом же году службы, и с 1827 года в рекруты стали брать мужчин от 20 до 35 лет. К этому возрасту многие успевали жениться, детей нарожать, а тут – иди в армию. На 20-25 лет семьи оставались разлучёнными. И не спешили мужики превращаться в добрых солдат, наоборот, мечтали, чтоб их признали нестроевыми да оставили бы где-нибудь в гарнизоне поближе к дому родному, или хотя б перевели в запасной эскадрон, куда можно жену с детишками перевезти.

Во взвод к Олегу Руперту вообще пожилой новобранец попал, Фома Рябой. По документам ему считалось 35 лет, но выглядел он старше. Так и оказалось. Освоившись, он признался, что ему скинули 9 лет. Сам упросил, даже денежки кое-кому сунул, вот ему и записали не 43, а 34 года, всего-то циферки наоборот поставили. Довольный, что его не собираются гнать из полка, лихо сдвигая кивер на бок, Фома самодовольно пояснял:

– Надоело всё в деревне да в деревне жить, на белый свет поглазеть то ж ведь охота. А ишшо баба у меня до того зловредная, не приведи Господь. Я сам, вишь, промашку дал: не начал сразу, с первых дней, лупить. С молодости просто языкастой была, а к старости совсем оборзела, чисто ведьмой стала. От неё на край света сбежать готов. Не знал, куды да как. А тут сынку призыв пришёл. И старуха, и молодуха воют, причитают, да и мне жалко: ведь у его-то и жёнка ладная, не зубастая, лучше моей карги, ему-то от бабы неохота отрываться. Я покумекал да и решил вместо его пойти. Пушай там моя ведьма одна теперича кукует...

Над его историей посмеивались и солдаты, и офицеры. Можно было поступить по закону: вернуть его домой да требовать, чтобы под суд отдали того, кто с него деньги брал, но Сухнен

не стал. Телом Фома крепок, оказался ловким, хозяйственным, да к тому ж балагур – возле него и у прочих солдат настроение поднималось. Полковник даже в унтеры Рябого произвёл.

А во взводе Лапина довольных судьбой не было. Занимаясь с солдатами, Сергей иногда от злости зубами скрипел: год, а то и полтора в рекрутских депо обучались, а так мало освоили! И форма на них сидела мешковато, и маршировать никак не могли иль не желали учиться. Казалось, из таких безынициативных, унылых мужиков, обречённо внимающих приказам, равнодушно их исполняющих, славных солдат никогда не получится. Бить их, что ли? Слушая, как они с непреходящей тоской вспоминают о доме, Лапин в глубине души и жалел их, и негодовал. Как их в бой вести? Опозоришься только. Поделился тревогой с отцом. Александр Петрович, невесело покачав головой, вздохнул, а потом неожиданно для Сергея заговорил нараспев, как будто былинку читал:

– Есть у царя колокол на всю Русь, всем колоколам колокол. Как ударит царь-государь в него, так по всей земле слышать, и по всей русской земле плач стоит, плачут стар и млад, горячими слезами заливаются... Слыхали, Сергей, причитания подобные? Знаете, о чём народ эту песнь сложил? – посмотрел на опешившего сына строго, не дожидаясь ответа, неторопливо объяснил сам. Вероятно, из-за печальных воспоминаний на интимное «ты» перешёл. – О рекрутчине это, сынок, о рекрутских наборах; для народа они – превеликое горе. Это ты – дворянин, офицер – рад, что служишь, потому как о другом поприще и не помышлял. А для крестьян иль мещан служба – наказание, их от земли, от семей, от привычной жизни оторвали напрочь. Потому и тоскуют, не разделяют твоего восторга... Однако, не суди поспешно, сынок, не думай, что тебе достались солдаты хуже тех, коих Суворов в поход водил, и что Наполеона били. И из этих выйдет толк, если постараться. Сумеешь внушить уважение – они за тобой на любой подвиг пойдут, грудью своей прикроют. А не сумеешь воспитать, так на себя пеняй. Вспомни-ка переход через Альпы. Солдаты, такие же мужики, чудеса выносливости и мужества проявляли. Раз Суворов приказал, то не размышляли, зачем на смерть идут. Ныне столь великих полководцев, коих бы все любили, я не знаю. Зато грамотных, хорошо обученных офицеров больше, чем в прежнее время. Ежели нет второго Суворова, значит, роль каждого офицера, что рядом с солдатом находится, более важна.

Полковник Сухнен и требовал, и просил, чтобы к нему направили ветеранов из других полков: вахмистров, фельдфебелей, унтер-офицеров. Но какой командир отдаст хорошего унтера другому? Сухнену были переданы два эскадрона из старого, конно-егерского полка, то есть уже с опытными офицерами и нижними чинами. Поначалу так и делились: на стареньких и новеньких, но и в старых эскадронах, Энгельгардта и Чебышкина, тоже некомплект был. Присылали в новый полк на унтер-офицерские должности кантонистов да учеников унтер-офицерских школ, кои были старательными, но тоже неопытными. Полковник много занимался с рекрутами сам, много времени отдавали службе и те из офицеров, что уже имели боевой опыт, рядом с ними молодые поручики, подпоручики, только что надевшие офицерские мундиры, учились командовать. А усердия, рвения к службе у бывших кадет было, пожалуй, побольше, чем у старших.

Прежде всего, нужно было придать полку бравый строевой вид, потому каждый день была муштра и муштра, маршировали на плацу: по снегу, по грязи, по лужам, с утра допоздна. Лапин гонял свой взвод с таким же усердием, как когда-то в корпусе гоняли его самого: «Кругом! Ать-два!» Из конца в конец плаца! И снова: «Кругом! Ать-два!» Потом взводы сводили вместе, и маршировал весь эскадрон, офицеры следили, чтобы каждый взвод смотрелся правильным четырехугольником, чтобы расстояние между взводами соблюдалось чётко. Сначала в пешем строю, потом – что ещё сложнее – в конном. Учили рядовых с оружием обращаться: стрелять, колоть штыком, в седле держаться, конём без уздечки управлять, палашом рубить.

Потом хлопоты с солдатскими жёнами начались. Сначала к солдату из взвода поручика Звевливцева жена с детишками прибыла, появилась солдатка и во взводе Лапина. Их устройством занимались полковые дамы под руководством жены капитана Петрова, командира шестого эскадрона. Капитанша как-то незаметно стала в полку главной распорядительницей по хозяйственной части, она солдаток к делу быстро пристраивала. Работой-то обеспечить нетрудно – и постирать, и заштопать всегда есть что, и на кухне, и в лазарете женские руки не лишние. А расселять их, да ещё с детишками, уже намного сложнее. Не было у нового полка пока своих казарм. Слава Богу, решительных баб, бросавших всё и переезжавших вслед за мужьями, было немного, а то бы не знали, что делать с ними.

Глава 4

До Смольного новости, обсуждаемые обществом, доходили с опозданием. Но Таня чувствовала тревогу, ей казалось: вот-вот должно случиться что-то серьёзное. И это произошло. Яков Карлович передал письмо, в котором Серж сообщал о зачислении в полк, что пока возле столицы стоит, а после (все, мол, ждут этого) должен отправиться в поход. Таня поняла, что решается и её судьба. Но из Смольного по уставу девушки лишь восемнадцатилетними выходят. Неужели Серж без неё поедет? Эта мысль ужасала, Тане стало мерещиться, что Серёжу ранят, будет он лежать на поле боя, истекая кровью, и никто к нему не подойдёт, не поможет, чудилось, как он призывает её, а она в это время в Смольном будет тихо-мирно кружева плести или новые танцы разучивать. Днями отвлекалась за занятиями, а по ночам от кошмаров не могла отделаться, всплывали в её воображении картины одна другой ужасней: как милый Серёженька упадёт с коня, как дёрнется его тело в предсмертной агонии. А если он погибнет, то и ей – не жить! Таня чувствовала себя, как будто между двумя огромными пластинами тисков, которые сжимаются медленно-медленно, но неотвратно. Надо успеть выскочить, пока они не сжались и не раздавили их обоих, этими тисками были стены института. Доктора она попросила передать Сержу записку, в которой умоляла того приехать в Смольный в первый же после Великого поста приёмный день. Сама молилась, молилась истово, чем даже удивила отца Викентия.

Чтобы свиданию никто не помешал, накануне приёмного дня постаралась всех самых строгих надзирательниц устранить. Таня слишком долго скрывала свои способности, хватит, пришла пора показать, что она может. И словно эпидемия по Смольному пронеслась: расчихались, раскашлялись, не могли от насморка избавиться многие надзирательницы. Потому, когда пришёл Сергей, в зале для гостей дежурили самые благожелательные дамы, Таню вызвали без лишних расспросов.

После Таниного пятнадцатилетия молодые люди встречались редко, и лишь в присутствии старшего Лапина, сейчас Серж был один. Девушка как будто впервые увидела суженого, и словно током пронзило её, вдруг поразило то, на что раньше внимания почти не обращала: что Серж до головокружения, до безумия хорош собой. «Как он красив и элегантен!» – промелькнуло в голове, когда он усаживался на стул напротив, когда поднял на неё свои синие очи. Был он в тёмно-зелёном драгунском мундире фрачного покроя с красными выпушкой и подбоям по воротнику и фалдам, с золотыми чешуйчатými эполетами без бахромы. (Обер-офицерские эполеты офицеры в шутку называли сковородочками).

К юноше и девушке приблизилась чужая классная дама, прислушиваясь настороженно; Таня оглянулась на неё, про себя несколько раз повторила: «Ты нас не видишь и не слышишь! Здесь ни меня, ни офицера нет! Ты нас не видишь и не слышишь!» И дама, словно вспомнив что-то, отвернулась, ушла к дверям. Там остановилась, вернулась в зал, однако присматривала за другими гостями. А к ним подошла Екатерина Дмитриевна, улыбнулась доброжелательно. Мадемуазель Кати не подслушивает чужие разговоры, считая это низостью. И Таня стала убеждать друга – негромко, но с жаром:

– Серёженька, если ты пойдёшь в поход, я должна быть с тобой. Мы обязательно должны быть вместе!

Сказала, что запросто может выйти из Смольного: для неё нетрудно через всех охранников пройти незамеченной, все запоры открыть. Серж сразу же отверг этот вариант.

– Если ты сбежишь, мне не позволят тебя в жёны взять. Если офицер женится на даме, чье имя очернено скандалом, он будет вынужден в отставку подать – репутация жены офицера должна быть безупречна.

– Значит, проси отца, настаивай, чтобы он помог. Пусть что угодно директрисе говорит, лишь бы мне из института выйти. Мы ж договаривались, что я всегда тебя сопровождать буду! ... Поверь, я здесь с ума сойду от страха, как мама моя. Не доживу до твоего возвращения, умру от горя. Умоляю, придумайте что-нибудь с Александром Петровичем.

Сергей верил каждому её слову. В их роду иногда появлялись сильные чародейки, однако, словно платой за это, кому-то из женщин выпадала и другая участь – безумия. Он вспомнил сестру бабушки, Софью, и как та наказывала ему не бросать Таню. Представил, что его милая стрекозка может стать на неё похожей, и от ужаса похолодел. Тем же вечером с отцом поговорил. Александр Петрович, когда сын передал ему слова Тани, переспросил:

– Вы уверены, что с ней беда может случиться?

– Да. Она сказала, что с ума сойдёт, как и её мать.

– Не сходила её мать с ума. Вздор это, – сердито оборвал отец. Помолчал и пояснил. – Хотя... надо признать, очень боялась этого, верила. Боялась, и сама себя от страха сего голодом уморила.

– Но это одно и то же! – воскликнул Сергей.

– Не совсем одно, – возразил отец. – Анна была гораздо упрямей, чем Анастасия. Из-за этого и с Андреем ссорились, а после его смерти как вбила себе в голову, что она одна во всём виновата, никто переубедить не смог... Мда... К сожалению, у Тани её характер, такая ж упрямец... К тому ж она сильнее матери, и всех, кого я помню, сильнее... Не исключено, что если втемяшит, внушит себе, что без тебя с ума сойдёт, именно так всё и содеется. Она в одном сильнее других, а в чём-то слабее гораздо... Да-с, да-с... Значит, вытаскивать её из Смольного надобно, – посокрушался Александр Петрович, поразмышлял вслух и пообещал сыну. – Что ж, буду просить, чтобы Татьяну проэкзаменовали и выпустили досрочно. Молитесь, Сергей, просите, чтобы Господь помог. Без Его милости ничего у нас не выйдет.

Потом весело окинул взглядом сына с головы до ног, хмыкнув, сказал:

– Выходит, Сергей, Вас женить надобно? Уверены, что не пожалеете?

– Не пожалею, отец. Она должна быть со мной. Если Таня разболеется, значит, я никогда ни на ком не женюсь.

– Не надо столь мрачными мыслями голову забивать. Сделаю всё, что в моих силах. Если директриса будет против, к императрице обращусь.

– Спасибо Вам, – сказал Сергей, у него от волнения на глазах даже слёзы выступили.

– Меня тревожит, что ждать-то от вашего супружества? – пустился в размышления – воспоминания Александр Петрович. – Прасковья Евдокимовна супругу своему тётушкой четвероюродной приходилась, в детях их соединилась кровь двух ветвей целищевского рода... Помню, в те давние годы женщины нашего рода от Анны и от Анастасии многого ожидали... Дочери не оправдали надежд, зато внучка всех превзошла. Во что же это у вас выльется?

– Во что бы ни вылилось, Таня – это моя судьба!

– Я не сомневаюсь, ни капельки не сомневаюсь в этом, сынок, – поддержал Сергея отец. – Да судьба-то и тяжкой бывает...

Отец понимал и поддерживал сына, а мать – вряд ли. Сергей был рад, что её сейчас нет дома. Ольга Сергеевна ещё по осени выехала за границу с семьёй давней приятельницы. Та решила свозить за границу своих взрослеющих детей для завершения образования и уговорила подругу составить компанию. Мадам Лапина поначалу отказывалась, поскольку очень не любила переезды и суету дорожную, боялась трактиров и постоялых дворов, но одиннадцатилетняя Линочка стала так умолять, просила показать ей Париж, Венецию, Неаполь, что мать не устояла. Вернуться планировали следующей зимой. Если бы мать предчувствовала, что сына досрочно из корпуса выпустят, ни за что б не поехала далеко... Её отсутствие было кстати. Как-то раз у Сержа с нею нешуточный скандал был из-за Тани. Ольга Сергеевна не оставляла попыток увлечь сына какой-нибудь другой девицей и раз очень настойчиво зазывала съездить к

знакомой, у которой чудная дочь: красавица, умница, прекрасно воспитана. Сын отнекивался, но когда мать прямо сказала, что Таня ни в какое сравнение не идёт с той барышней, что глупо на девицу, обременённую родственниками-цыганами, любоваться, взорвался и наговорил лишнего. Вспылил и вернулся в кадетский корпус, хотя каникулы не кончились. Но через несколько часов приехал рассерженный отец и потребовал, чтобы сын извинился перед Ольгой Сергеевной. Александр Петрович сказал то, о чем юноша и подумать не мог.

– Ваша мать очень любит Вас. Вы должны понять: это она испытывает страх перед Вашей невестой, а не наоборот.

– С какой стати, чего маман бояться?

– С того, что у неё есть женская интуиция, она чувствует Танину силу. Мы с Вами знаем, какова Таня, и почему она такова, а Ваша мать – нет. Ей легенды нашего рода неведомы. И только поэтому: испытывая страх перед нею, страх безотчётный, причины которого и сама не может понять, хочет Вас уберечь. Да, спасти Вас: по-своему, по-женски, пытаюсь сблизить с девицей, ей самой более понятной и, по её мнению, не опасной. Всё потому, что Вы, сын, ей очень дороги! Посему Вам следует просить прощения за все дерзости, что наговорили.

Тогда Серж даже опешил, он предположить не мог, чтобы взрослая женщина испытывала страх перед его маленькой стрекозкой. Хотя и знал, что мать – большая паникёрша. Не сразу поверил, однако вернулся домой, извинился, обещал впредь не дерзить. И Ольга Сергеевна вынуждена была смириться с чувствами сына как неизбежным злом. Серж со временем понял, что отец прав, и сам стал смотреть на мать уже не только как сын, а по-взрослому, стараясь оберегать её от лишних волнений.

Сейчас представил: будь мать дома, в какой бы ужас она пришла, стала бы умолять его самого, упрашивала бы отца, чтобы тот сыну место в другом полку обеспечил. Она не раз говорила, что мечтает видеть на Серже мундир кавалергарда. Кавалергарды и карьере быстрее делают, и в боях участия почти не принимают. Охранять императорскую семью – это куда как почётней и спокойней. Ольга Сергеевна металась бы от одного влиятельного знакомого к другому, просила бы содействия, лишь бы оставить сына в столице. Плакала бы, хлопотала, но бесполезно, потому что Серж от такого предложения отказался бы категорично. Пусть мать узнает обо всём попозже, когда уже нельзя будет что-либо менять. А уж обсуждать при ней, как вытаскивать Таню из Смольного, и вовсе не следовало.

Глава 5

Александр Петрович поехал к директрисе и просил отпустить воспитанницу, чьим опекуном он является. Причину назвал. Конечно, поведал лишь то, что можно Амалии Львовне сказать, что сына срочно женить хочет. Почему? Да хотя бы потому, что отец боится, как бы юноша в распутство не пустился. Он только что в офицеры произведён, а вдруг голова кругом пойдёт, блажить начнёт?

– Вы ж видели моего сына, Амалия Львовна, – объяснял он, – сами говаривали, что он привлекателен. Вот и боюсь я, что не слишком щепетильные в вопросах нравственности дамы его соблазнят, развратником сделают. Хлебнёт холостяцкой жизни, и после совсем его не образумить, не женить...

Аргумент директриса сочла убедительным, но недостаточным. Обещалась поговорить с преподавателями, с инспекторами, с матушкой императрицей, наблюдающей за обучением благородных девиц. Передать просьбу Лапина обещалась, но не более. Пожала плечами: мол, с воспитанным молодым человеком за время, что Телятьевой по уставу ещё нужно в институте быть, ничего страшного не случится.

Амалия Львовна не думала отпускать Телятьеву. Это ж какой пример? Дай послабление одной, так тут же и от других родителей подобные просьбы посыплются. Иногда в семнадцать лет некоторые успешные девицы выходят из института, но по важным причинам, а в шестнадцать – нет, не было таких примеров. Документы достала, чтобы в следующий раз продемонстрировать Лапину: вот мол, посмотрите, здесь написано, что не смеют родственники просить об отчислении воспитанницы до её совершеннолетия, то есть до восемнадцати лет. Открыла папочку и – остолбенела, похолодела аж. А договор-то, оказывается, не подписан, то есть, как бы и нет его. Помнила директриса генерала с супругой, помнила, как и о чём договаривались, как генерал обещал за обучение внучки сам платить, и взносы всегда исправно вносились. А как произошло, что они договор не подписали, не могла понять. Как будто колдовство какое-то. Помощнице своей приказала все документы проверить, а вдруг ещё где подписей нет. Выяснилось, что оплошала директриса лишь один раз, при приёме Телятьевой. Испугалась, а если Лапин знает, что бумаги без подписи, да сам попросит их показать?

Нет, не знал об этом Александр Петрович. Прасковья Евдокимовна при заключении договора подержала его в руках, мужу дала прочесть, Павел Анисимович тогда почеркал на другой бумажке, перо пробуя, а с подписью замешкался. Жена и вернула договор директрисе неподписанным, сочтя, что лучше не связывать себя обещаниями, директриса не заметила это, убрала и не доставала до сей поры, поскольку нужды не было. Но Лапин и без того настойчив был, к матери-императрице с этой просьбой сам обратился. Её Величество Мария Фёдоровна в Смольном часто бывала, всех воспитанниц знала не хуже директрисы. Высказалась, что хорошего мнения о мадемуазель Телятьевой, уже присматривалась, не взять ли её фрейлиной, но раз у девицы жених есть, пусть замуж идёт. Матушка-императрица вообще придерживалась мнения, что молодых офицеров полезно женить как можно раньше, а то у холостых одни шалости на уме. В общем, она благосклонно к просьбе Лапина отнеслась, потому пришлось Амалии Львовне пообещать, что на экзаменах, которые скоро начнутся, попросит экзаменовать Телятьеву по всей строгости. Пусть комиссия оценит, как институтка науки освоила. Если успешно, то, может, и отпустит.

Это уже можно было считать согласием, поскольку и она, и опекун знали, что мадемуазель Телятьева занимается успешно. Ещё в первый год обучения учитель географии сообщил, что ему нечего рассказывать своей новой ученице: знает она его науку лучше выпускниц Смольного, дома усвоила всё, чему он смолянок обучает. Математик примерно те же слова говорил. Эти предметы институткам в довольно урезанном виде давались, а Таня под надзором домаш-

них учителей их наравне с мальчишками всерьёз штудировала. Жаль, что здесь вперёд почти не продвинулась. Как-то Коля при ней попросил Сержа и Олега задачку решить, что им в училище задали, те быстро справились и такими словами брату всё объясняли, как будто и не по-русски: Таня почти ничего не поняла! И с ботаникой и зоологией у девочки проблем не было – сии науки здесь лишь вскользь проходили, это Таня могла бы знаниями трав с ботаником делиться, а не он с нею. Из физики и химии смолянкам тоже лишь краткие курсы читались, их не усвоить было стыдно, учителя сами шутили: если девицы запомнят, что такие науки есть, и того достаточно. Хорошо должны были они знать закон Божий, языки, много внимания уделяли истории и словесности. Из них делали дам, способных домом управлять и в салонах непринуждённо поддерживать беседы на любую тему, а не научные доклады сочинять.

Зато языки здесь уж штудировали так штудировали. Требовалось, чтобы смолянки освоили и письмо, и разговорную речь по-французски, по-английски и по-немецки. Кстати, родным языком раньше здесь мало занимались, поскольку считалось, что дамам переходить на русский язык с французского даже и не совсем прилично, по-русски они лишь с прислугой общаться будут, не более. Когда новый император Николай Павлович запретил своим подданным при дворе на иностранных языках общаться, стали и русскую словесность усиленно изучать, даже с современными поэтами знакомились. Вот и должна была Таня продемонстрировать знания по сим предметам, чтобы комиссию взыскательную покорить. Для неё некоторую сложность лишь английский представлял, а немецким и французским она владела не хуже, чем родным. Она бы и экзамен по-латыни сдать смогла, да этого не требовалось.

В чём многие смолянки значительно превосходили её, так в умении рукодельничать. Плести кружева и вышивать Таня научилась, но нисколечко не полюбила сии занятия. Другие девушки и в свободное время не выпускали из рук пальцы и иголку с нитками, даже на свидания в приёмную залу иногда с рукоделием выходили, чтоб похвалиться перед родными. Придумывали новые узоры из ниток или бисера для скатертей, салфеточек, платочков, сумочек или за коклюшки садились, а Таня в лазарете в это время пропадала. Нравилось ей там гораздо больше.

Экзамены продолжались около недели, Таню, о коей директриса всех предупредила, спрашивали строго. Письменные работы проверяли тщательно, с нею самой на всех языках долго беседовали. Она очень старалась с лучшей стороны себя проявить, да к тому ж, оглядывая строгих дам и преподавателей, твердила про себя, внушая им: «Я готова, я готова к выпуску». И удостоилась похвал, признала комиссия, что мадемуазель Телятьеву можно выпускать. И к середине мая Татьяна вышла из Смольного, причём, даже с хорошим аттестатом. Императрица Мария Фёдоровна всем институткам при выпуске делала подарки: евангелия в дорогих переплётах, а бесприданницам, кроме этого, по пятьсот рублей, Телятьевой же она вручила иконку Петра и Февроньи Муромских, покровителей супружеской любви. Благословила, стало быть. Татьяна, увидев образ, поняла его значение и в порыве благодарности бросилась на колени перед матушкой-императрицей и поцеловала её дряблую, но по-прежнему властную руку.

Глава 6

Ещё до выхода Тани из Смольного Сергей решил обратиться к командирам за разрешением на женитьбу. В этом году Пасха ранняя, следовательно, ранней будет и Троица, и следующий через неделю за ней Петров пост начнётся 1 июня и продлится до июля. Надо успеть повенчаться до начала поста.

Большинство офицеров полка были холосты, и полковник – тридцатитрёхлетний граф Сухнен – женат лишь три года. Любимый кадетами Владимир Васильевич Бегичев, успевший и повоевать на Кавказе, и послужить преподавателем, похоже, не помышлял о женитьбе, хотя ему было 27. Как объяснять им, что он – вчерашний кадет, надумал срочно жениться? Но вступить в брак без одобрения полка нельзя – таков закон.

После занятий с рекрутами Лапин решил подойти к командиру. Зайдя в штаб, был раздосадован, увидев, что у Сухнена сидят Бегичев и недавно назначенный командиром первого эскадрона капитан Лужницкий. Он до ранения в гусарском полку служил и не скрывал, что в душе был и остается гусаром, принял предложение командовать драгунами исключительно из уважения к Сухнену. Хотя драгунам не полагалось носить усов, капитан их не сбрасывал. Говорил, что рука не поднимается, но, если уж будет необходимость, (если неожиданно приедет император или великий князь Михаил Павлович), то обещался тотчас же привести себя в надлежащий драгунам вид, мол, и бритву на этот случай всегда в ташке носит. Впрочем, он был блондином, свои пшеничного цвета усы не фабрил (то есть не чернил), и они не бросались в глаза. Лужницкий был хорошо сложен, роста среднего, обладал приятной наружностью, к тому же являлся острословом, чьи шутки с удовольствием пересказывали во всех петербургских гостиных. И была у него репутация отъявленного волокиты, говорили, что если Всеволод Лужницкий намечает цель, ни одна женщина не способна устоять. Многие недоумевали, отчего же граф Сухнен принимает его у себя, неужели не опасается за свою молоденькую жену. И в присутствии сего донжуана нужно было сообщать о желании жениться. Но что делать? Сергей, вздохнув глубоко, попросил у полковника разрешения поговорить по личному вопросу.

– По личному? – переспросил Сухнен. – Вы хотите, чтобы разговор наш был конфиденциален?

– Думаю, это ни к чему, – ответил Лапин. – Дело, о котором я хочу говорить, в любом случае не составит тайны.

Сергей желал бы остаться с полковником наедине, но представилось, что Лужницкий может потом подшучивать над его боязнью обсуждать вопрос о женитьбе открыто, а эта перспектива испугала гораздо больше.

– Хм... Серьёзное вступление... Что за дело?

– Ваше сиятельство, я хочу жениться и прошу у Вас на это позволения.

– Жениться? – в изумлении переспросил Сухнен, внимательно оглядел Лапина с ног до головы. Со столь же изумлённым видом поручика разглядывали и капитаны. Лужницкий выдохнул громко: «Ба!.. Это ж надо!», откинулся на стуле и весело пялился на него, словно на циркового актёра, собравшегося выполнить сверхсложный трюк. Бегичев тоже был удивлён. При выпуске из корпуса немногие из кадет получили звания поручиков, только те, что сумели на экзаменах самые высокие баллы набрать, Лапин был в числе лучших. И этот многообещающий молодой офицер заявил о желании связать себя узами брака и стоит навтыжку перед старшими офицерами, ожидая ответа. Граф Сухнен оправился от шока и спросил Лапина:

– Сколько Вам лет, поручик?

– Девятнадцать.

– И давно Вы поняли, что жениться необходимо?

– Давно. Я сделал предложение ещё 10 лет назад, дал избраннице клятвенное обещание, что мы повенчаемся сразу же, как только я стану офицером. Я офицер, пришло время исполнять обещание.

– Поручик, но это же смешно! – вмешался Лужницкий. – Получается, Вы сделали предложение в 9 лет. Подобные клятвы в детстве произносят многие, но никто, повзрослев, не воспринимает их всерьёз! Разве Вас кто-то упрекнёт, если передумаете?

«Ну, началось!» – подумал Сергей, и, склонив упрямо голову, ответил:

– Прежде всего, я сам себя буду упрекать, – он говорил чётко, делая ударение на словах «сам себя». – Дело не только в обещании, а в том, что я люблю свою невесту.

– Она Вас, без всякого сомнения – тоже. Что ещё девице остается?.. – хмыкнул ловелас. – Однако позвольте узнать, поручик, откройте секрет, клянусь, за пределы этого кабинета Ваши слова не выйдут: что, Вы ни разу не увлекались никакой другой женщиной? Сохраняли верность невесте? Может, Вы до сих пор девственником остаётесь? – с ироничным видом засыпал он жениха вопросами.

– Не могу этим похвастаться.

– Ха!.. Умные слова. Ну, так зачем же добровольно хомут-то на себя надевать? Это те из мужчин, что не обладают ни внешностью, ни умением разговор поддержать, вынуждены жениться, чтоб не тратиться на гризеток. А у Вас, я думаю, не должно возникать проблем с дамами. Пожелаете: любая из них – Ваша. Жениться-то зачем?

– Простите, господин капитан, – неприязненно и с вызовом глядя в глаза Лужницкого, возразил ему Лапин. – По-моему, мы о разных вещах говорим. Я говорю, что люблю и хочу жениться на своей любимой, а то, о чём рассуждаете Вы, с любовью не имеет ничего общего.

– Спокойней, спокойней, господа! – прервал их пререкания граф Сухнен. – Пожалуйста, не доходите до оскорблений.

– Иван Оттович, не переживайте, – отмахнулся Лужницкий. – До дуэли не дойдёт, так ведь, поручик? Тем более, что я хочу Вам только добра... Знаете ль, я тоже, ещё будучи корнетом, чуть было не женился. Готов был петь, орать гимны Гименею!.. Сгорал от желания сорвать нежный цветочек, причём довольно прехорошенький... К счастью, старшие товарищи отговорили, раскрыли глаза на то, что цветочков много, один краше другого. И я до сих пор благодарен им! Если б не они, я бы уже 8 лет был женат. Как представлю возле себя благонравную жёнущку в капоте и папильотках да кучу орущих детишек, волосы дыбом встают! Я – и женат? О, нет! Слава Тебе, Господи, спасибо, что уберёт! И Вас, поручик, я от чистого сердца хочу удержать от глупости, чтобы локти потом себе не кусали.

Лужницкий так красочно изобразил страх перед женитьбой, что все, даже Лапин, не смогли улыбок сдержать. Но Сергей согнал улыбку и ответил:

– У каждого своя планида. Вы довольны холостяцкой жизнью, а меня она не прельщает. Вам нужно обилие цветов, что Вы срываете на ходу, а мне достаточно одного-единственного, который будет радовать меня всю жизнь.

– Ну, хватит споров, господа, – снова успокоительно произнес полковник. – Лапин, не волнуйтесь, присядьте, давайте обсудим всё спокойно.

– Я волнуюсь, Ваше сиятельство, но не настолько, чтобы падать в обморок. Ноги меня держат, – ответил Лапин.

– Хорошо, что держат, однако всё-таки присаживайтесь, рассказывайте по порядку. Кто она? Чья дочь, сколько лет? Как Ваши и её родители относятся к намерению жениться?

Лапин присел к столу, положил кивер на пустующий стул, бросил в него перчатки и ответил полно, но по возможности лаконично.

– Дочь полковника Телятьева, Татьяна Андреевна. С пяти лет – круглая сирота, её воспитывал дед, генерал-лейтенант Целищев. Дед желал, чтобы Татьяна вышла за меня, но он уже умер, и у неё из родных остались лишь бабушка и старший брат. Бабушка, госпожа Целищева,

хочет, чтобы мы повенчались при её жизни – говорит, так ей умирать спокойней. Мой отец поддерживает меня.

– Телятьева? – переспросил его командир. – Та девочка, которую я видел в Вашем доме?

– Так точно.

– Мне помнится, она довольно мила, – задумчиво произнёс Бегичев, поглядывая то на Лапина, то на Лужницкого. – Её брат Антон Андреевич Телятьев – мой младший товарищ по корпусу и по службе на Кавказе, сейчас на Дунае, поэтому я считаю своим долгом поддержать его сестру.

– Благодарю Вас! – Сергей слегка поклонился своему капитану.

– Что ж, девица из приличной семьи, тем более из семьи с военными традициями – это хорошо, и что родственники не против – тоже. Мы, в принципе, можем дать согласие. Но есть ещё и высшее начальство, согласится ли оно? – с сомнением сказал полковник.

– Мой отец выхлопотал разрешение на свадьбу у императрицы Марии Фёдоровны, думаю, он сможет и генералов убедить.

– Почему у императрицы? – недоумённо вздёрнул брови вверх Лужницкий.

– Моя невеста в Смольном, отец хлопотал у государыни, чтобы её выпустили из института.

– Ах, вон оно что! – огорчённо потянул Лужницкий и, сокрушённо вздохнув, оглядел претендента в женихи сострадательно. – С этого и надо было начинать. Если матушка-императрица вознамерилась смолянку замуж выдать, нам остаётся лишь подчиниться. Неудовольствие государыни поручику может дорого обойтись, не так ли, Иван Оттович? У него не осталось выбора!

– Да, с такой протекцией никто препон создавать не осмелится, – согласился Сухнен. – Как скоро Вы хотите венчаться, поручик?

– Хотелось бы успеть до Петровского поста.

– Зачем так спешить? Можно объявить о помолвке, а повенчаться, когда вернёмся из похода...

– Я боюсь её потерять. Неизвестно, сколько времени продлится поход, и что с нею может случиться за это время... Боюсь, что я с ума сойду без неё, и она без меня – тоже, – последние слова он уже почти прошептал.

– А что – она столь красива и богата, и на её руку много претендентов? – заинтересовался Лужницкий.

– Пожалуй, что так. И богата, и хороша собой.

– Да-с, Лапин... – потянул Лужницкий озабоченно и сочувственно. – Получается, Вы всерьёз влипли. Девочка-сирота, да ещё и богата... Если обитает в Смольном, значит, совсем наивна и неопытна. Трудно ей одной придётся... Как только узнают, что юная особа с хорошим приданым появилась, да как начнут возле неё свахи и маменьки крутиться, интриговать, жди беды... Наблюдал я за такими созданиями, видел, как их столичное общество, трубящее о своей высоконравственности, губит. Да-с... для сироты да к тому ж бывшей смолянки замужество – единственное спасение. Не за Вас, так за старика какого-нибудь выйти придётся, чтобы сплетен избежать...

– Что-то Вы, Всеволод Аркадьевич, об обществе негативно отзываетесь, – неодобрительно покачал головой Сухнен.

– Ах, Иван Оттович, Вы ж себя целиком службе посвятили, только армию и знаете, а я и там, и тут бываю... Не понаслышке знаю-с... – покачал головой Лужницкий вроде бы виновато, но во взгляде его было больше кокетства, рисовки светского волокиты, чем признания вины. Жест его как бы говорил: поймите, разве ж я хуже других? Нисколько! Я рад бы вести себя иначе, но, боюсь, общество не поймёт. Все таковы.

– И всё-таки крутитесь там да за дамами-распутницами волочитесь! – укорил его полковник.

– Что поделать? Я воспитан сим обществом. Вижу недостатки, но сам таков: плоть от плоти... Может, не поверите, удовольствие получаю! Чем стервознее женщина, тем больше во мне желание завоевать её!.. Ежели Вы, господин Лапин, не опасаетесь, то я с радостью бы с Вашей невестой познакомился. Когда она из Смольного выйдет?

– И зачем Вы желаете познакомиться с этой девочкой, Всеволод Аркадьевич? Надо ли Вам это? – с недоверием спросил Бегичев, делая упор на слово «Вам».

– Владимир Васильевич, думаете, что я могу быть опасен юной девице? – переспросил Лужницкий, вздохнул покорно, улыбнулся примирительно. – Зря, зря. Я ж объяснил, что не привлекают меня юные и наивные создания. Когда и одного намёка, улыбки достаточно, чтоб сердечко юное растопить, мне и самому неинтересно. А вот дама с историей, которой не впервой признания в любви слышать – другое дело. Эти меня заводят, кровь при виде такой штучки бурлить начинает!.. Поручик за свою невесту может быть спокоен.

– Хмм... Да, как бы себя ни оговаривал Всеволод Аркадьевич, я тоже считаю, что барышням он не опасен. – Граф Сухнен многозначительно похмыкал, подумал и вынес вердикт. – Что ж, поручик, я даю согласие на Вашу женитьбу, думаю, и офицерское собрание меня поддержит...

Глава 7

Ольге Сергеевне сообщили об этих планах, хотя было ясно, что она не успеет вернуться из-за границы. Но что делать? Со свадьбой надо было спешить. В Петербурге у старшей дочери гостила дальняя родственница Стрешнева Варвара Борисовна, и Александр Петрович пригласил её помочь. Та не отказалась, а поскольку мало знала столицу, попросила подсобить свою сватью Елизавету Никитичну. И две дамы принялись хлопотать: к офицерам полка приезжали, с Анастасией Павловной советовались, решали, как свадьба пойдёт, кто будет посажёнными отцом да матерью, кто дружкой (иль по-модному – шафером), и дом готовили, и музыкантов искали, и платье молодой подбирали, и об угощении думали...

Через день после выхода Тани из Смольного они с Сержем обручились. В сопровождении Александра Петровича, Анастасии Павловны и кузенов, Варвары Борисовны с дочками съездили в церковь, торжественно обменялись три раза кольцами, что были освящены возложением на Святой Престол. Многие молодые выбирали для обручения золотые кольца и для жениха, и для невесты, однако Александр Петрович посоветовал сыну придерживаться старины, и заказать для себя кольцо золотое, а для невесты серебряное. Золотое в брачном союзе символизирует солнце, свету которого уподобляется муж, а серебряное – луну, что сияет лишь благодаря отражению солнечного света, оно для жены. Танюша об этом правиле не слышала, но ничего обидного в том, чтобы быть отражением мужа (отражением самого лучшего, умного, прекрасного любимого Серёженьки!) не увидела. Тем более, раз это старинный обычай, бабушке должно понравиться, что они его соблюдают. После обручения был небольшой ужин. Танюша с утра послала записку своей классной даме Екатерине Дмитриевне, и та отпросилась из института. Она была единственной не родственницей на их небольшом семейном торжестве. Екатерина Дмитриевна радовалась, глядя на воспитанницу, чувствовала, что та поступает правильно, однако не знала, говорить ли о её замужестве в Смольном. Представила, каким будет ужас на лице инспектрисы Юлии Эдуардовны. Та совсем недавно устроила скандал Елизавете Чижевской за то, что девица посмела у всех на виду поцеловать старшего брата, вернувшегося с Кавказа, исключить «распутницу» из института требовала. И что эта и другие дамы скажут, узнав о скоропалительной свадьбе? Директриса-то знала, по какой причине Телятьева выпускается раньше, но не торопилась никого оповещать, ибо характер своих строгих преподавательниц ей тоже был известен.

Глава 8

Наутро после помолвки поручик Лапин подошёл к полковнику, сообщил об обручении, кольцо продемонстрировал.

– Быстро! – удивился тот. – Поздравляю! Однако нехорошо, что Вы нам невесту не показали до сих пор.

– Друзья мои её давно знают.

– Друзья? Ну и старших офицеров, будьте добры, представьте. Когда позволите?

– Да хоть сегодня! Я готов!

– Готовы? Но заявляться без приглашения большой компанией некрасиво. Лужницкий как раз должен в город съездить, интендантов потрепать, поезжайте с ним, после можете к невесте заехать, – предложил граф Сухнен.

Недопоставки в полки обмундирования, оружия, упряжи – дело обычное. Их полк возле столицы стоит, потому съездить в комиссариат и вытребовать недостающее всё ж несложно. А в отдаленных частях, особенно на Кавказе, нехватка обмундирования была хронической. Пытался в своё время Аракчеев свести на нет волокиту в комиссариатах, взяточничество интендантов, но слишком многие кормились от армии, наживали на этом немалые состояния, потому вроде бы и всеильного Аракчеева извели кляузными, доносами, ещё при прежнем императоре он вышел в отставку. А уж после него интенданты вспоминали о снабжении армейских частей, только когда от императора получали выговор. Сукно, кожа, сапоги иногда вместо армейских частей отправлялись по каким-то другим адресам.

Новый драгунский полк, который начали формировать в феврале, пока ещё не дополнил из комиссариата многое, по этой причине Лужницкому и предстояло «трепать» интендантов. Поехал он не один, а с двумя унтер-офицерами и солдатами. Унтеры эти были из старых эскадронов, дело знали, но жаловались, что интенданты их не допускают к приёмке, говорят, что в первую очередь именитые полки обеспечивать должны. Требовалось вмешательство проворного офицера повыше чином. В комиссариате Лужницкий сцепился с чиновником, доказывающем, что у них очередь, список, которому он неуклонно следует. В списке полка нет, так что ждать надо.

– И сколько ждать прикажете? Ещё год? Наш полк лишь в феврале создан и, конечно, не мог попасть в сей списочек. Но если Вы не соизволите обеспечить нас, об этом будет доложено выше. Скоро наш полк его высочество великий князь Михаил Павлович и его высокопревосходительство Чернышев смотреть будут, так мы перед ними рекрутов в лаптях иль босыми выстроим и объясним, что это Вы предлагаете нам ещё год в таком виде их гонять!.. Ну, разве что два бывших конно-егерских эскадрона в своих старых егерских мундирах выйдут, картину скрасят...

– Так вашему полку как вновь созданному уже было отпущено вне очереди и сапог, и холста для обмундирования. Что ещё?

– Отпущено на два эскадрона, а пять – разуты, раздеты. Полк создан не по моей прихоти, а по Именному высочайшему повелению! И до того, кто тут у вас в списках первый, кто последний, мне дела нет! Великому князю и министру о волокитстве интендантов будет доложено.

О посещении полка великим князем капитан, скорей всего, присочинил. Наоборот, ходили слухи, что тот вслед за императором отбывает на театр боевых действий. Зато ссылка на него подействовала на чиновника, и он написал какую-то бумагу, отдал Лужницкому, и с нею команда отправилась на склад. Когда их впустили внутрь, и озабоченный интендант, заведующий товаром, стал указывать, где сложены сапоги, где – сбруя, откуда брать сукно для мундиров, откуда – полотно для рубах, драгунский унтер, облегчённо вздохнув, сказал Лужницкому:

– Ну всё, теперича не переживайте, Ваше благородие. Получим всё, что можно. А ежели повезёт, может и поболее прихватим...

Обещание «прихватить» означало, что унтер в вопросах приёмки уже собаку съел, знал, что надо постараться взять больше, сверх того, за что расписывается, то есть попросту стащить из-под носа сонных солдат, охранявших склад. Капитан с довольным видом покрутил ус и подал ему пачку мелких ассигнаций:

– Возьми на всякий случай. Чтобы «повезло»!

– Может, и без этого «повезёт»? – задумчиво сказал унтер, однако деньги взял и добавил. – Пусть будут на всякий случай, ежели не понадобятся, верну...

Глава 9

Офицеры поехали к особняку Телятьевых, спешили перед высоким крыльцом. Мальчишка, принимавший коней, сразу доложил, где хозяйка, то есть невеста поручика.

– Татьяна Андреевна на конюшне, лошадь лечит, – выпалил он, привязывая к коновязи жеребца Лужницкого, и разъяснил. – Лошадь, что третьего дни куплена, заболела... Цыгане пришли, и наша хозяйка так их отчитывала, так отчитывала – любо-дорого поглазеть! А цыган-то перед ней юлит, божится, что не виноват ни в чём.

– А что? Конь серьёзно болен? – встревожился капитан.

– Мне отколь знать? Барыне виднее, она снадобьё приготовила, поят сейчас.

– Пожалуй, ветеринара прислать надо, – предложил Лужницкий.

– Ни к чему, Татьяна сама справится, – ответил Лапин. – Если любопытно, пойдёмте, поглядим.

Конюшня была слева от дома. Подходя, увидели перед её раскрытой дверью людей, что суетились возле коня. Он лежал на траве, подогнув под себя ноги, один мужик приподнял морду, а худенькая женщина из тёмной бутылки вливала ему в рот какую-то жидкость. Питьё коню не нравилось, он пытался мотать своей большой головой, отфыркивался. Цыгане, переглядываясь, покрикивая на коня, крутились рядом, скорей мешая, чем помогая. Женщина обернулась, выпрямилась, и Лужницкий увидел, что она совсем молоденькая и, пожалуй, хорошенькая: светленькая, большеглазая. Но, Боже мой, во что она одета? Холщовая крестьянская понёва, светлая блуза с широкими рукавами и поверх этого – большой коричневый фартук, наряд завершал «бабушкин» чепец, из-под которого выглядывал каштановый локон... На левой руке висел кнут, а в правой – бутылка. «Однако! Неужто это и есть невеста? Впрочем, глазки у неё очень даже замечательны! Не глазки, а глазищи!» – подумал капитан, перевёл взгляд на поручика, а тот улыбался как ни в чём не бывало, сказал:

– Танюша, я привёл гостя. Разрешите представить: капитан Всеволод Аркадьевич Лужницкий.

Лужницкий поклонился, а девушка в ответ кивнула и весело, ничуть не смутившись, ответила:

– Очень приятно. Простите, что не могу подать Вам руку, сами понимаете... – улыбнулась мило, свободной рукой показав на забрызганный фартук. – Я надеюсь, Всеволод Аркадьевич, Вы не сбежите, увидев меня столь затрапезно одетой? Дадите возможность исправиться, показаться в более приличном виде? – сия реплика Лужницкому понравилась, и он улыбнулся в ответ:

– Что Вы, Татьяна Андреевна, не переживайте. Это я прошу меня простить, что без предупреждения явился. Нам сказали, что у Вас конь заболел. Может, помощь нужна? Всегда к Вашим услугам! Если эти мошенники, – и он кивнул на цыган, – продали заведомо больную лошадь, то должны быть наказаны!

Конь в это время дёрнулся, пытаясь встать на передние ноги, девушка положила руку ему на холку, и он успокоился. Цыгане испуганно переглянулись, один из них громко затараторил, активно жестикулируя:

– За что наказывать? Лошадь здорова была, когда я продавал! Все скажут, что здорова, все видели. Откуда мне было знать, что заболит через день? И Трофим, что покупал, видел, что здорова, иначе зачем покупал? Но мы пришли, помогаем лечить, потому что всяко бывает – может, она и у нас уже больной была, только мы не замечали... Больную лошадь я бы не стал продавать, не стал бы...

Девушка прервала его тираду, прикрикнув:

– Помолчи! Эко раскудахтался, как наседка, кою с гнезда согнали! Не перед господами офицерами, а передо мной оправдайся! – Лужницкого же поблагодарила. – Спасибо большое, помощь не нужна. Они мне и так все издержки возместят, никуда не денутся... Однако Вам лучше в дом пройти. Серж, пожалуйста, проводи гостя. Я как закончу здесь, подойду.

Но Лужницкий уходить не захотел: ведь не каждый день увидишь юную дворяночку, что сама лошадь лечит да ещё и цыганам рты затыкать умеет. Он уже получал наслаждение от сей картины, наблюдал с интересом. Решил порасспросить:

– А Вы не боитесь сами лечить коня? Где этому выучились?

За неё ответил поручик, по-французски, наверное, чтобы не поняли цыгане:

– У Танюши с детства любимым занятием было лечить кого-нибудь: людей, кошек, собак, лошадей. Даже стрекозок лечила, – добавил он с неким ехидством, на что-то намекая, но девушка бросила укоризненный взгляд, и он, зажав улыбку в уголках губ, продолжил более серьёзно. – И, представьте, все, за кого она бралась, выздоравливали!

– И стрекозы? – уточнил капитан.

– Иногда и стрекозы, – широко улыбнувшись, ответил Лапин. – Если мы с Николаем, её кузеном, предварительно не разрывали их пополам.

Девушка вздохнула и снисходительно покачала головой, как это делают дамы, наблюдая за детскими шалостями: мол, что с них взять, малы да глупы ещё. Вот она выпоила всё, потрепала коня по шее и приказала мужику, что помогал ей:

– Всё, заводи в стойло! – Повернулась к господам офицерам, пригласила. – Пойдёмте в дом. Буду очень признательна, если подождёте, пока я переоденусь.

Она, хлюпая растоптанными, не с её ноги, башмаками, направилась к боковой двери, а Сергей повёл Лужницкого через парадный ход. На лестнице их встретила женщина в коричневом платье с закрытым воротом не старше сорока лет, высокая, худощавая, очень похожая на Татьяну, с такими же большими зеленоватыми глазами. Лужницкий чуть не сказал комплимент по поводу внешности, мол, она не хуже дочери выглядит, но вовремя вспомнил, что Лапин называл невесту сиротой, а женщина, стало быть, её тётя. Анастасия Павловна провела офицеров в гостиную, предложила присесть.

Всеволод Аркадьевич с любопытством оглядывался. Всё, как и положено в гостиных, разве что мебели маловато, несколько пустым огромное помещение кажется. Рояль с раскрытыми нотами, диваны, кресла, возле них столики журнальный и шахматный. Бирюзовый штоф с неброским узором на стенах, кисея на окнах. Поразило обилие света, поскольку окна были и справа, и слева, то есть с юга и с севера. Присмотревшись к потолочным матицам, переходящим в полукруглые арки и колонны, к лепнине по стенам и потолку, в каждом углу разной, сообразил, что здесь поначалу было несколько небольших комнат, которые соединены в одну большую. Чтоб потолок не провалился, стены убирала не полностью, превратили их в красивые колонны. Благодаря этому в помещении получились уютенькие ниши, словно отдельные уголки для интимных бесед.

Заметив, как капитан оглядывает обстановку, Анастасия Павловна пояснила, что ремонт недавно закончили, а новой мебелью ещё не обзавелись. Ремонт Серёжа занимался, ну а мебель, портьеры и всё другое уже Таня, хозяйка, по своему вкусу должна подобрать.

– Лапин? – изумился Лужницкий.

– Ну да. Мы с Танюшей планируем жить здесь, почему бы и не подготовить дом для самого себя? – весело ответил юноша и похвалился. – Здесь-то, впрочем, только лишние перегородки убраны, и всё. Зато спальню я более основательно переделал: она чудесна, и к тому ж через стеночку появилась прекрасная ванная комната, пожалуй, лучшая во всей столице.

– Лучшая в столице, Вы проверяли? – шутки на тему дамских спален и будуаров слетали с уст капитана моментально, но он, уже произнося, сообразил, что в доме невесты эта тема

неуместна, под запретом, и поспешил исправиться. – Стало быть, Вы, поручик, основательно к женитьбе готовитесь...

В гостиную вошёл человек, что помогал хозяйке возле конюшни, обратился по-военному к старшему по чину:

– Ваше благородие, может, прикажете подать что покрепче?

– Нет, не надо пока, – ответил Лужницкий и, обратив внимание на выправку мужика, спросил. – А ты, братец, служивый, как видно? Кем служил?

– Так точно, служивый... С четырнадцати лет при хозяйне своём, генерал-лейтенанте, в денщиках состоял, – бодро отвечив мужик и, широко перекрестившись, добавил. – Дай Господь Царствия небесного Павлу Анисимовичу!

– Где ж ты со своим генералом бывал?

– А где только не бывали! С девяносто седьмого года как взял меня Павел Анисимович к себе, так и с французами, и с австрияками, и с турками, и снова с французами воевали – везде успели. Погостим дома немного, да снова в поход. Весёлая жизнь была!

– Весёлая, говоришь? А не желаешь снова в поход? Сколько лет-то тебе?

– Сорок пять, кажись. Ежели хозяйка прикажет, и в поход можно, а приказа не будет, так зачем?

– О, Лапин, запоминайте и учитесь! Вот как настоящий солдат рассуждает: если прикажут, то и в поход готов, а без приказа зачем? Это вы, мальчишки, всё боитесь, что прославиться не успеете.

Поручик улыбнулся и смущённо, и упрямо – упрёк капитана был справедлив, но юноша был не согласен с тем, что за подобное рвение нужно осуждать. Кто из выпускников корпуса не мечтал о славе, добытой в бою? Каждый кадет, произведённый в офицеры, при прощании с младшими товарищами обещал: «Если узнаете из газет, что наша часть взяла крепость, верьте, что первым на её стену взобрался я. Помешать этому может только пуля». Лапин вспомнил, как и они с друзьями говорили младшим кадетам то же самое, подумал, что, наверное, и Лужницкий раньше был столь же азартен, а теперь изображает опытного и уставшего воина, но свои догадки оставил при себе. Спросил служаку:

– Трофим, а как это тебя, такого ушлого, цыган-то обмануть сумел? Что ж ты оплошал?

– Нет, Ваше благородие, – самодовольно заулыбался Трофим. – Не он меня обманул, а я его. Хорошего коня за полцены купил. Я ж заметил: конь ладный, молодой, вижу, что просят немного, стал смотреть, с чего бы это. Потрогал шею: горяча. Догадался, что, пока не пал конь, цыган торопится сбить с рук. А я-то ведь знаю, что хозяйке нашей вылечить лошадь – плёвое дело, вот и решил купить. Поторговался, он ещё цену сбавил. За такие-то деньги грех не взять!

– Зачем тогда вы с хозяйкой цыган так строго отчитывали? – удивился Лужницкий.

– А для порядку! Чтоб неповадно было впредь добрых людей обманывать. Вернули мне часть денег, так в другой раз думать будут.

– Да ты хитрец, однако! – восхитился капитан. – Лапин, такого человека надо нам в полк обязательно, у нас же опытных людей совсем мало. Вот кого Вам в денщики-то надо бы, а не того юнца бестолкового. Просите невесту, пусть она ему «прикажет» в поход пойти.

– Нет, Трофим только Татьяне Андреевне служит, – покачал отрицательно головой юноша и к прежней теме вернулся.

– Но, Трофим, а как Кхамоло прознает про то, что это ты цыган обманул, что тогда? – спросил поручик, взглянув при этом не на слугу, а на Анастасию Павловну, на вопрос она и ответила:

– А что скажет? Они обмануть хотели да обманули себя же. Представьте, что этого коня кто-то другой бы купил? Поставили бы в общую конюшню, прочие лошади могли б заразу подхватить. Какой бы убыток был? И деньги с цыгана обратно стребовать не сумели бы. А у нас всё обошлось. Кхамоло хвалить Трофима должен, а не наоборот. – Анастасия Павловна

помолчала, потом, заметив недоумение на лице капитана, объяснила. – Не удивляйтесь, Всеволод Аркадьевич, Кхамоло – это мой муж, цыган он. – Женщина вздохнула, отвела глаза.

– Цыган?.. Ну-у, понятно, по какой причине Татьяна Андреевна столь смело с цыганами разговаривала. – Лужницкий опешил: миловидная женщина, видно, что воспитанная, и оказалась женой цыгана. Но постарался не подавать виду, добавил с улыбкой. – При первом взгляде я сразу же подумал, что в Вас должна быть какая-то загадка, тайна. Значит, не ошибся.

– Да, тайн у нас много, – грустно улыбнулась Анастасия Павловна. – И тайн, и проблем, с ними связанных...

– Тётушка, какие проблемы? Я так одни плюсы вижу. У меня, благодаря Вам, есть два замечательных брата, самые лучшие на свете кузены, и детство у нас с Серёжей было намного интересней, чем у других. Правда ведь, Серж? – это сказала Татьяна Андреевна, она появилась незаметно. Вошла тихонько, пока гость размышлял, что ответить Анастасии Павловне. Мужчины встали, поклонились.

– Ба! – изумился Лужницкий. – Как Вы прекрасно выглядите! Надеюсь, теперь мне будет позволено поцеловать Вашу руку?

Своему туалету Таня не могла уделить много времени – если офицеры уже в гостиной, некрасиво слишком долго прихорашиваться. Но всё ж постаралась. Надела платье из зелёно-голубого муслина с короткими рукавами, рюшами по подолу и пояском, что под самой грудью завязывался небольшим бантом. Прическа её была проста, но элегантна: пышные волосы она подняла вверх и уложила в пучок, закрепив черепашковым гребнем, лишь небольшие локоны выпустила по вискам. И о туфельках её Елизавета Никитична говорила, что они по самой последней моде. По, в общем-то, не совсем приличному возгласу капитана «Ба!» Таня догадалась, что выглядит неплохо. Кивнула благосклонно, протянула офицеру руку. Поклон её был и скромным, и полным достоинства, жест руки – изящным. Теперь лишь слепой мог усомниться в том, что она – смолянка! Анастасия Павловна встала, сказав:

– Пожалуй, я оставлю вас. Надеюсь, Вы, Всеволод Аркадьевич, отобедаете с нами?

– Сочту за честь, – поклонился он.

Анастасия Павловна ушла, увела Трофима, а Таня уселась в кресло, вопросительно взглянула на мужчин. С чего беседу начать? Из замешательства вывел Лужницкий. Он расспрашивал, кто в шахматы играет, поскольку увидел на столике незаконченную партию, кто музицирует, завел речь и о том, не отдаст ли Татьяна Андреевна Трофима своему жениху, поскольку, мол, опытный денщик может офицера уберечь от разных неприятностей. Удивился, услышав твёрдый отказ, слова, что у Тани на Трофима собственные планы имеются, глянув на поручика, увидел, что тот кивает с улыбкой – стало быть, в курсе. Потом в гостиную влетел улыбающийся смуглый юноша в мундире коммерческого училища, застыл на мгновение, увидев незнакомого офицера, чёрные глаза его пробежались по Лужницкому с головы до ног. Это и был кузен Татьяны Андреевны, старший сын Анастасии Павловны. Поклонился почтительно, а дальше повёл себя крайне раскованно: чмокнул Татьяну в щёку и плюхнулся на подлокотник её массивного кресла, руку на спинку небрежно положил, как будто обнял кузину. О том, что между ними прекрасные отношения, можно было и не говорить. Затем прозвучало: «Кушать подано».

Прошли в столовую. И это помещение капитану понравилась: стены с декоративными колоннами и вся мебель в стиле ампира белая, строгих линий с завитками позолоты, даже тяжёлые напольные часы в простенке белого цвета, лишь стрелки и цифры чёрные с золотыми прожилками. Стол был сервирован красиво, кушанья и вина хороши. Завязался разговор о том, как в новом полку служится, какие роды войск лучшие, когда полк могут из столицы отправить, какие беды, напасти могут ожидать воинов. А Николай похвалился, что сдал последний экзамен – по тригонометрии, оценка будет известна завтра, но он уверен, что не ошибся ни в чём. Гость заинтересовался, чем юноша после училища хочет заняться. Николай, ухмыльнувшись, ответил, что вот Лапин соблазняет в полк записаться, и он подумывает. Мол, и компа-

нию Сержу составить бы не прочь, но его ж только рядовым примут, а друг уже в чине поручика, а от этого неудобства разные могут быть. Они с Сергеем в детстве, бывало, тузили друг друга отменно, а как теперь Лапин вспомнит о тех драках, да начнет отыгрываться, куда рядовому деваться? «Как куда? – пошутил Лужницкий. – Подвиг совершать, такой, чтобы сразу чин получить и догнать товарища!»

После обеда капитан посидел немного да решил и честь знать. Лапину предложил не торопиться, пообещал, что перед полковником оправдает. Поехал к Красному Селу не спеша, любуясь вечерним небом и размышляя над увиденным и услышанным, смакуя самые интересные детали: какой барышня предстала перед ними возле конюшни и какой она появилась в гостинной, сколь разительным был контраст. Как сильно всё-таки одежда меняет человека, особенно – женщину! Вспомнил, как переглядывались меж собой жених и невеста, чувствовалось полное взаимопонимание. Тревогу вызывал лишь кузен – тоже вполне симпатичный, неглупый и тоже, похоже, привязанный к Татьяне. А вдруг не просто привязанный, а ещё и влюблённый? Бывает ведь иногда такое: муж после свадьбы обнаруживает, что у жены с кузеном не просто доверительные отношения, что в её спальню кузен запросто заходит и почаще, чем сам он. И здесь не будет ли того же? С одной стороны, не похоже, что Лапин может в такую ситуацию попасть – не дурак, и с кузеном дружат. Но в жизни чего только не бывает? Хотя всего, что в жизни случается, и не предусмотреть, от всех бед заранее не заречься, соломку не подстелить. Всё это и изложил Сухнену. И предложил:

– Давайте-ка, Иван Отгович, устроим бал, иль хотя б пикник. Пусть наши офицеры и меж собой, и с дамами знакомятся. А то мы лишь на плацу да в солдатских палатках друг друга видим.

Полковник согласился. Бал организовывать некогда, за городом лучше всего вечера да пикники проводить. И организовать пикник за три оставшихся до воскресенья дня вполне возможно. Через неделю, на Троицу, Лапины свадьбу назначили, на пикнике о ней и объявить можно.

Странная эта штука – любовь, размышлял потом Лужницкий. Вот старше он Лапина аж на 9 лет, но никакого желания жениться не имеет. И в том, что он, будучи корнетом, хотел жениться, правды немного. Показалось ему тогда, что влюбился, думал, что лишь женитьба пыл охладит, а как товарищи старшие познакомили с одной гризеточкой премиленькой, потом – с другой, желание жениться быстро пропало. И он сам, хотя со скорбным выражением лица, но в душе – с превеликим облегчением, рад был сообщить барышне, по которой прежде с ума сходил, что офицеры полка не позволяют просить её руки. ...А у Лапина нечто совсем другое.

Глава 10

Драгуны временно размещались в Красном Селе, на месте ушедшего на Балканы лейб-гвардии гусарского полка. Для пикника выбрали поляну недалеко от лагеря на берегу Дудергофки, которую лес отгораживал от мест военных учений.

Проблема была в том, что офицеров, то есть молодых людей, много, а барышень – почти нет. Женатых офицеров на весь полк шестеро. Офицеры, живущие в столице, спешно созывали сестёр, кузин. Таня пригласила Стрешневу с двумя незамужними дочками, и написала Екатерине Дмитриевне. Эта молодая учительница была единственной из преподавательниц, к которой она чувствовала не только уважение, но любовь, признательность и даже – жалость. Да, многие дамы из Смольного заслуживали уважение за неуклонное соблюдение принципов, за благонравие, преданность делу, но любви – увы, не все. Екатерина Дмитриевна, выпускница этого же института, ещё не успела очерстветь от сознания, что осталась в старых девах, и была добра к воспитанницам. Милая Кати, как её называли смолянки, была хороша собой, умна, читала предмет интересно, доходчиво. И вряд ли – счастлива. Обедневшие родители отдали её сюда шестилетней, а потом радовались, что благодаря успехам в учёбе дочери предложили стать преподавательницей – хоть куском хлеба она сама себя обеспечивала. Потому до 25 лет Екатерина Дмитриевна не видела почти ничего, кроме Смольного, не была знакома ни с кем, кроме его обитательниц, знала жизнь лишь от звонка до звонка: по звонку подъём в 6 часов, по звонку – молитва, по звонку – завтрак, уроки. Даже прогулки во внутреннем саду Смольного и те – строго по звонку. Танюше очень хотелось сделать для мадемуазель Кати хоть что-нибудь! Хорошо, если б на нее обратил внимание кто-то из офицеров, а если не получится, то хотя бы на день вырвать из атмосферы казарменного пансионата, из голых институтских стен.

Когда мадемуазель Кати приехала, Таня представила ей Бегичева и попросила, чтобы тот был рядом с нею: «У Екатерины Дмитриевны в этой компании, кроме меня, нет знакомых, я боюсь, что ей не с кем общаться. А у вас могут быть общие интересы: ведь она – преподавательница, и Вы были преподавателем!»

Смолянки считали Кати образцом русской красавицы: светло-русые волосы, овальное чистое лицо, высокий лоб, большие серо-голубые глаза, рот небольшой, губы не тоненькие, а немного припухлые. Когда она улыбалась, лицо её светилось добротой, а когда вела урок, казалась холодной и недоступной, как Снегурочка. И эту светленькую красавицу Таня решила представить скуластому brunetu с чуть раскосыми глазами. Он был хорош собой, хорош своеобразной азиатской красотой. Бегичев происходил из рода степняков, что ещё три века назад поступили на службу к московским князьям, тюркская кровь в нём была несколько разбавлена кровью русских дворянок, коих брали себе в жёны крещёные татары, поэтому Владимир Васильевич был менее смугл, чем его предки. Но в его умных, внимательных глазах ещё сохранился жар степного солнца, ощущался сдерживаемый, не выпускаемый наружу, но горячий, сильный огонь. Похожие отблески Таня замечала в глазах дяди Кхамоло. Девушке показалось, что этот огонь и нужен более всего Снегурочке из Смольного – Екатерине Дмитриевне.

Сергей потом лукаво спросил невесту:

– Стрекозка, ты что, моего командира оженить вздумала?

– Твой командир меня волнует меньше, чем моя классная дама. Да, мне бы очень хотелось милую Кати замуж выдать. Будет жаль, если она со временем превратится в такую же злобную надзирательницу, как другие...

– Тогда ты выбрала не ту кандидатуру. Бегичев вряд ли решится на женитьбу. Он из мелкопоместных, живёт лишь на жалованье. И она, как я понимаю, приданого не имеет.

– А где взять другую кандидатуру? Твои друзья для неё молоды, из старших офицеров, ты ж сам говорил, богаты лишь Лужницкий да Вахрушев. Но Вахрушев – солдафон, вряд ли сумеет оценить доброту и нежность Кати, Лужницкий – ловелас...

– Неужель прошлые амурные похождения могут оттолкнуть даму? По-моему, наоборот. Я замечал, что как только Лужницкий в салоне появляется, все дамы веселеют, спешно прячутся за портьерами, чтоб прически поправить да носики попудрить. И совсем юные, и те, что в возрасте...

– Не знаю, каких дам ты имеешь в виду, а мадемуазель Кати нужен человек, репутация которого не столь подмочена. Она от Лужницкого будет шарахаться, как от огня.

Сначала по приезде собрались возле столов, чтобы наскоро перекусить. Многие только здесь узнали о главной цели пикника, когда Сухнен поднял бокал и объявил об обручении Сергея и Татьяны.

Дамы расположились вокруг музыкантов, рядом с ними офицеры. Кто-то прогуливался в лесу, кто-то валялся на траве. Олег Руперт уговорил поехать с ними сестру их друга Лизаньку Стародубцеву и её кузину. Он раньше не обращал внимания на Лизу, но после высылки Жоржа из корпуса, зная, что с другом поступили несправедливо, чувствовал и себя виноватым, стал бывать в их доме.

Импровизированный оркестр из четырёх гитар и скрипки получился неплохим, играл не всегда слаженно, но за некоторые сбои, случавшиеся не из-за отсутствия мастерства или слуха, а лишь потому, что музыканты впервые играли вместе, никто не обижался. Оказалось, Лужницкий обладает приятным голосом, хорошо исполнял романсы. И все были в восхищении от голоса графа Звегливцева.

Сергей представил Таню полковым дамам, из которых она выделила капитаншу Петрову – та хорошо знала гарнизонную и походную жизнь, поскольку сопровождала мужа почти везде, и в полковой жизни именно она должна была стать первой советчицей. Девушка поняла, что найдёт в этой солидной даме надёжного друга. Хотя, может, рано её именовать солидной? Родила пятерых деток, но не стара ведь капитанша. Высокая, с хорошей фигурой, разве что чуть полновата, черты лица правильные, кожа свежа. Странно всё-таки возраст определяют в обществе: о полковнике, которому тридцать три, говорят, что он молод, а о капитанше тридцати двух лет почему нельзя сказать так же?

Невеста, конечно, была в центре внимания, всех желали ей счастья. Когда затеяли игру в фанты, именно ей поручили загадывать, что каждый фант должен выполнять. Напряжение она чувствовала лишь при общении с Ириной Обручевой. Таня знала, отчего. Сергей с сестрой друга был приветлив и обходителен, только и всего, но он не был достаточно внимателен, не сразу заметил, что Ирина бросает на него не в меру томные взгляды, смущается при встречах больше, чем принято у барышень. А та успела навоображать себе немало: в фантазиях, склоняясь над очередным любовным романом, уносились очень далеко, и героем её грёз был стройный синеглазый блондин по имени Сергей. Уже и брат, и мать предупреждали мадемуазель, что зря она заглядывается на Лапина, поскольку надежды на взаимность у неё, похоже, никакой нет. Но их советы не помогали: Ирина была в семье младшей, избалованной, привыкла, что все её желания исполняются, она упрямо верила, что и в любви добьётся своего. И вдруг ожидаемо для других, но неожиданно для неё прозвучала новость, что тот, о ком она мечтает, обручён! Да и с кем? С той самой пигалицей, которую она вообще не принимала в расчёт. Ведь не было же этой Татьяны рядом с Лапиным! Вчера ещё в Смольном обитала, а сегодня – невеста. Как это?!

Ирина старалась не показывать своей досады, но улыбалась через силу, веселье её было ненатуральным. Кадет Красовский, чьи ухаживания она принимала, чтобы ревность в Серже разбудить, с тревогой посматривал на неё – он-то к мадемуазель Обручевой относился серьёзно. Ирина незаметно отошла в сторону, удалилась в лес и присела на упавшее дерево,

скрывшись от тропинки за невысокими сосенками. Подумала: если будут спрашивать, что она делает в одиночестве, ответит, что на реку любитесь, здесь тихо и красиво.

Но недолго наслаждалась спокойствием. Неожиданно за спиной услышала смех: жених и невеста тоже сбежали от общества. К её счастью, молодым понравился другой участок берега. Там стояла очень забавная берёза, её изогнутый ствол напоминал перевёрнутую букву «С». Ирина видела, что молодые к ней подошли и Сергей со словами: «Посмотри, какое замечательное дерево!», посадил Татьяну на этот высокий «стул», обнял, прижался к ней. Целовал её! И эта нахалка всё позволяла! Ну да, на тонкой девичьей руке, обнимавшей юношу, поблёскивало обручальное кольцо!

Татьяна почувствовала отчаяние и ненависть, направленные на неё, через плечо Сергея бросила взгляд туда, откуда они излучались. Заметила за негустой зеленью сосновых веток светлое женское платье и догадалась, кто там, отстранила жениха и сказала:

– Давай вернёмся. Неудобно оставлять общество надолго.

– Нам можно, мы жених и невеста, никто нас не осудит, – снова притягивая девушку к себе, счастливым-счастливым голосом возразил он. – Мы так редко наедине остаёмся!

– Всё же пойдём, хочется поговорить со всеми.

– С кем же это желает говорить моя невеста, кроме меня? А ну-ка признавайся! – шутливо, но строго потребовал Сергей.

– О! Жених, похоже, ревнует! Неужели? – кокетливо поддела его Татьяна. – Забавно!.. А мне кажется, поводов для ревности у меня намного больше, однако я молчу!

– Танюша, тебе не о чём беспокоиться. Кроме тебя, меня никто не интересуется!

– Разве? А как те дамы, которыми Вы, мой любезный жених, интересовались ранее?

Ирина вся напряглась – а вдруг Таня назовёт её имя? – и испугалась, и обрадовалась: мелькнула мысль, что сейчас молодые поссорятся, и для неё ещё не всё потеряно. Однако Сергей, похоже, нисколько не был смущён, он засмеялся, уткнувшись в плечо невесты.

– Клянусь, я всех забыл. Однако должен же я был у кого-нибудь научиться науке поцелуев, – прозвучал его слегка виноватый голос.

– Вот как? А мне казалось, это исключительно от природных способностей зависит. Хорошо, при встрече надо будет поблагодарить твоих учительниц, они тебя неплохо обучили. Кого из них более всего благодарить, а? – ехидно сказала невеста.

– Не надо. Лучше меня самого отругай, – Сергей посмеялся чему-то своему и сказал. – Зря я тебя зову стрекозой. Ты – не стрекоза, а язва!

Таня повторила, что им нужно возвращаться. Сергей подхватил её на руки и пронёс несколько шагов, осторожно переступая через коряги, и только потом отпустил на землю, при этом Ирина заметила, как он наклонился, оправляя Танино платье. И даже это нахалка приняла как должное! Жених с невестой скрылись за деревьями, а Ирина сидела, как оглушённая, сжалась, пытаясь осмыслить то, что подсмотрела и подслушала. Нет, не такими в её воображении должны быть отношения между женихом и невестой, это была совсем не та любовь, какую она себе представляла! Да и любовь ли связывала Таню и Сергея? Не может быть! Ни от него, ни от неё она не услышала признаний. По её разумению всё это больше похоже на сговор двух преступников, проходимцев, но никак не на чистую и возвышенную любовь, о которой ей мечталось. Разве может любящая невеста спокойно говорить о дамах, за которыми ухаживал жених, обещать, что будет благодарить его «учительниц»? Разве может настоящий жених как о самом ничтожном, безвинном проступке сообщать невесте, что какая-то из дам его обучала «науке поцелуев»? Нет и нет! И Ирине подумалось, что если эти двое поженятся, то, пожалуй, оба будут изменять друг другу направо и налево. Но она сочла, что Сергей не виновен, он чист, это Татьяна, её удачливая соперница, порочна, дурно влияет на прекрасного юношу.

Откуда было Ирине знать, что Таня испытывала, когда узнала о любовнице Сержа, сколько всего передумала, сколько страдала, мучилась из-за тех «учительниц»? Это сейчас, в

преддверии скорой свадьбы, зная, что теперь-то уже никто и ничто не помешает, невеста была весела и даже шутила на сию непристойную тему...

А Таня размышляла, кого бы отправить к Ирине, кто бы опечаленной девушке настроение улучшил. Да, она могла чувствовать себя отомщённой за пренебрежительный тон и презрительные взгляды, что раньше Ирина бросала на неё. Но всё равно её было жаль. Поискала глазами Костю. Но и он был насупленным, похоже, обижен, сможет ли быть достаточно тактичным, не расстроит ли барышню ещё больше? Вон Лужницкий легко сумел бы развеять печаль-тоску, но общение с ним, пожалуй, ещё более опасно для девицы, чем безответная любовь. Подошла к Косте и посоветовала поискать Иру, сказала:

– Я вижу, что вы оба сегодня грустите. А грустить иногда лучше вдвоём.

Костя печально поднял глаза, подумал, кивнул согласно и направился туда, где осталась Ира. Таня разговаривала с Красовским тихонько, чтобы не слышал Серж: не хотела, чтобы жених снова назвал её интриганкой. Также не желала открывать Сергею глаза на то, что Ирина в него влюблена – а вдруг почувствует жалость, решит приободрить, и что из этого выйдет, чем закончится?

Провожая взглядом Костю, Таня вдруг жутко испугалась – почудилось, что юноша уходит не в лес, а в небытие, что шагает не по тропинке, а над нею... И что значит это видение? Таня лишь вздохнула глубоко, стараясь никому не выдать волнение.

Глава 11

Бегичев оказался галантным кавалером, обходительным, славным. Узнав, что Екатерина Дмитриевна не только ни разу не бывала на рыбалке, но и вообще никогда не видала живую рыбу, решил исправить это упущение тотчас же: взял самую удобную лодку, пригласил в неё молодую даму, подплыл к сети, стал её перебирать. Найдя запутавшегося в ячейх язя, вытащил его, протянул девушке. Кати сначала хотела погладить рыбу, но язь так сильно бился, хотел выпрыгнуть из мужских рук, что она испугалась.

– Неужели мы его должны убить и съесть? Это ужасно! – от этой мысли она была на грани обморока. – Он красивый, и так хочет жить! Как он рвётся обратно в воду...

– Если желаете, я его выпущу. Может быть, хотите сделать это сами? Вы будете его спасительницей, – улыбнулся капитан.

В это время с берега закричали:

– Бегичев, кто там попался?

– Язь, и довольно крупный. Но Катерина Дмитриевна просит, чтобы я его выпустил. Желание дамы – закон для офицера, – крикнул он и тихонько переспросил барышню. – Так сами отпустите, иль это сделать мне?

– Капитан, Вы что, хотите нас без ухи оставить? – заорал Вахрушев.

Стоящий рядом с ним Лужницкий с видом первейшего ценителя женских прелестей оглядывал мадемуазель и, вынув изо рта изящную трубку вишнёвого дерева, негромко промолвил:

– Да-а-с, красивая рыбка Бегичеву попалась. Иль он сам попался, как думаете?

К счастью, до Екатерины Дмитриевны не долетели эти слова, но она услышала смех, коим господа офицеры на них отозвались, сконфузилась и сказала:

– Делайте, как считаете нужным. Все желают ухи, я не смею настаивать. Но мне, правда, очень жаль его, – и улыбнулась виновато.

– Хорошо. Смотрите, – и Бегичев отбросил язя подальше от лодки. – Ваш красавец язь будет жить, если ума у него хватит снова в сети не запутаться.

– Бегичев, а ну гребь прочь! Не притрагивайся к сетям! Не смей рыб выпускать! Будь добр, найди для своей дамы укромное место в другой гавани! – заорал возмущённый Вахрушев. – Как это понимать, господа?! Я сети расставлял, а этот благодетель рыбий поехал язей спасать! – Сию грозную тираду офицеры также встретили дружным смехом.

Екатерина Дмитриевна смутилась от того, что свой испуг, жалость к живому язю, трепыхающемуся в мужских руках, не смогла скрыть, но ещё больше оттого, что её назвали «своей дамой» по отношению к Владимиру Васильевичу, и покраснела. Капитан заметил это, улыбнулся про себя и решил увезти барышню от любопытных глаз. Остановился за наклонившимся к воде кустом ракиты, ухватился за одну из тонколистных ветвей, притянул ствол, привязал к нему верёвку, поднял вёсла, осторожно положил возле бортов и спросил:

– Как Вы себя чувствуете, Екатерина Дмитриевна? Вам здесь нравится?

– Да, здесь хорошо. Красиво, безмятежно, – ответила она, окинув взглядом реку и склоняющиеся к воде деревья.

Сняла перчатку, опустила руку в воду: течение в стоячей заводи почти не ощущалось, зато пальцы её тотчас же начали щекотать, покусывать – подплыли маленькие рыбёшки, и она испугалась, выдернула руку, встревоженно глянула на капитана. И снова засмутилась, поняла, что глупо выглядит. А тот любовался ею, улыбался своими тёмными тёплыми глазами.

– Ах, не смотрите на меня так, пожалуйста. Я и так чувствую себя не в своей тарелке, – попросила она и перевела взгляд на рыбок и медленно колышущиеся, стремящиеся за водой буро-зелёные водоросли.

– Отчего же?

– Не знаю, как объяснить... Здесь прекрасно, восхитительно, но не могу поверить в реальность свершающегося. Никогда со мной такого не было, я в первый раз за городом. Самой не верится, что это я здесь, в одной лодке с Вами... Словно во сне всё... И опасаясь, что Ваши друзья могут подумать обо мне плохо.

– Не опасайтесь. Ваша честь не пострадает. Однако зачем Вы так смущаетесь? Неужели Вы никогда прежде с мужчинами не разговаривали?

– У нас в Смольном немало учителей-мужчин, правда, они все женатые, в возрасте, – мадемуазель улыбнулась, подняла на капитана свои очаровательные глаза, обрамлённые густыми ресницами, снова опустила их. – А офицерское общество мне и вправду незнакомо.

– И Вас напугало наше общество, в частности – моё?

– Нет, но... Наверное, я очень неловка, не знаю, что сказать...

На самом деле Екатерине Дмитриевне незнакомо было не только офицерское общество, а, поскольку всю жизнь провела в Смольном, она была лишена общества молодых мужчин вообще. Чтобы уберечь институток от всяческих соблазнов, для службы в институте благородных девиц учителя, доктор и прочие мужчины, без коих, к сожалению, не обойтись, подбирались особенные – самые невзрачнейшие, преклонных лет и обязательно женатые. Даже истопники здесь должны были быть старыми либо уродливыми. А то, не дай Бог, вдруг юная смолянка на какого-нибудь слугу засмотрится? Екатерина Дмитриевна не знала о принципе, которому неуклонно следовала директриса при подборе персонала, но из-за него и она, преподавательница, была ограждена от «соблазнов».

Красивыми мужчинами, на которых могли любоваться смолянки, были лишь Романовы – члены императорской семьи, посещавшие директрису, иногда присутствовавшие на экзаменах или приводившие в Смольный, как на экскурсию, иностранных гостей. Но кто Романовы для благоговейно взирающих на них институток? Небожители! На них все в Смольном смотрели с обожанием и трепетом. Может ли воспитанница или молодая преподавательница вести беседу с ними? Она смела лишь отвечать на вопросы, если те удаивали её чести спросить что-нибудь. И если к ней обращался с самым пустяковым вопросом кто-то из великих князей, их кузенов, или – о, чудо! – сам император! – барышня считала это величайшим счастьем, на всю жизнь запоминала. И потом долго перебирала в памяти каждое слово высокого гостя, его взгляд, выпрашивала у подруг, как это со стороны выглядело: достаточно ли низко она присела в реверансе, изящно ли кланялась, учтивыми ли были её слова. После визита высочайших гостей в Смольный и преподавательницы, и воспитанницы с восхищением, почти замирая от вздохов, обсуждали, сколь хорош император, ни в какое сравнение с другими принцами крови не идёт. Например, его кузен, принц Виртембергский, похож на нашего императора, все это признают, однако Николай Павлович и выше, и стройнее, и обаятельней. Повторяли, что наш император напоминает античные статуи самых красивых римских патрициев, хотя и римским патрициям далеко до него. Те только что древние.

И вот Екатерина Дмитриевна оказалась в обществе молодого красивого офицера, который смотрел на неё тепло и внимательно, а она робела перед ним больше, чем перед строгой начальницей института.

– Хотите, сплаваем к тому берегу, там на лугу можно собрать прекрасный букет, – предложил он.

– Не надо. Куда я дену его? Пусть цветы останутся на лугу, там им хорошо, а в моих руках они быстро завянут.

– Вы поставите их в вазу, и если будете менять воду, они простоят несколько дней.

– Но всё равно погибнут, их придётся выбросить. Мне будет жаль.

– Но на луг всё равно придут косари, и цветы падут под косой, превратятся в сено. Хорошо ещё, если их съест какая-нибудь прекрасная лошадь, а если они достанутся глупой

корове или туполобому барану? По-моему, если они несколько дней будут украшать Вашу комнату, они сами будут более счастливы. Лучше жить всего два-три дня для того, чтобы доставлять удовольствие Вам, чем пожить чуть дольше никем незамеченными, не оценёнными и стать пищей для скота. Если уж умирать, то ради Ваших прекрасных глаз, а не коровьего желудка!

– Как странно Вы говорите... Нет, нет, не нужно цветов, – от чарующих речей капитана она совсем раскраснелась, слова его были приятны, волнующи, но столь неожиданны! Екатерина Дмитриевна не знала, что отвечать, уже боялась глаза поднять и попросила. – Пожалуй, лучше отвезите меня на берег, присоединимся к обществу, а то мне неловко.

Бегичеву понравилась милая мадемуазель, не похожая на всех дам, с которыми сводила его судьба. Хотелось побыть с нею наедине подольше, но видел, как сильно она конфузится, робеет – а ведь сама уже преподавательница! – и не стал возражать. Однако, растягивая минуты, он слишком неторопливо отвязывал верёвку, разворачивал лодку по большому радиусу, заплыв чуть не к противоположному берегу, грёб помедленнее. И не отрываясь, смотрел на неё, любовался.

Екатерина Дмитриевна боялась продолжать разговор с капитаном, подошла к жене полковника – Юлия Валерьевна тоже закончила Смольный и, хотя была замужем и на три года моложе, она была своей, понятной, им было о чём поговорить. И весь оставшийся день старалась не отходить от неё. А перед отъездом капитан всё же преподнёс красивый букет и попросил разрешения проводить её. Мадемуазель Кати смутилась, но взяла букет, согласилась и с тем, чтобы он сопровождал её до Смольного. Покраснела, но кивнула согласно. Цветы на прощанье получили все дамы – Бегичев уговорил товарищей специально для этого съездить на другой берег. В конце мая цветов ещё мало, но они нашли сирень и составили великолепные букеты. Увидев, что офицеры одаривают дам, а его жене преподнесли самые роскошные цветы, граф Сухнен был доволен.

– Молодцы! Хорошо придумали. Надеюсь, что, собирая цветы, вы не весь луг вытоптали?

Глава 12

На следующий день утром Лужницкий был поражён, когда к нему подошёл Лапин и сказал, что Татьяна хочет с капитаном наедине поговорить. Хорошо бы, если б он сумел заехать днём. Для чего его собственная невеста приглашает в гости холостого капитана, Лапин не объяснил, лишь улыбнулся загадочно. Сказать, что Лужницкий был заинтригован – ничего не сказать! По какому такому делу его могла приглашать юная барышня? Ну и ну! Да, случилось в жизни Лужницкого всякое, иногда молоденькие девушки осмеливались намекать известному донжуану, что не прочь были бы пообщаться tet-a-tet, но чтобы приглашение через жениха передавалось, ещё ни разу не случилось! Как ни прикидывал, ничего в голову не приходило. Отпросился у полковника, сказав, что дельце неотложное есть, заехал к Телятьевой около полудня. Его сразу провели в гостиную, Татьяна появилась из внутренних покоев, поприветствовала его, ничуть не смущаясь, улыбнулась и объяснилась.

– Знаю, Вас удивило мое приглашение, потому не буду ходить вокруг да около, любопытство Ваше раззадоривать, – помолчала, посмотрела внимательно на него огромными глазами, от её взгляда показалось капитану, что голова закружилась. – Я заметила, что Вы вчера от боли мучились, да и сейчас у Вас рука сильно болит. Хочу вылечить Вас.

– Вы? Как Вам удалось заметить? Кажется, я стараюсь ничем не выдавать...

Плечо и левая рука у Лужницкого в самом деле часто болели, иногда боли бывали просто нестерпимы. Врачи сказали, что от этого уже не избавиться, надо терпеть. И он стоически сносил мучения, никому не жаловался. А юная особа каким-то образом узнала – невероятно! Ну да, на пикнике, когда на гитаре играл, не раз опускал руку от боли, тряс её, но разве это бросалось в глаза?

– Я просто увидела, ничего удивительного. Думаю, в моих силах Вам помочь. Если Вы не откажетесь, конечно...

– Как?

– Во-первых, надобно, чтобы Вы позволили себя осмотреть, а потом мы с Николая попытаемся что-нибудь сделать.

– Татьяна Андреевна, Вы меня просто огорошили. Я Вам премного признателен за желание помочь, но... не знаю, что сказать.

– А Вы и не говорите, просто доверьтесь, – улыбнулась девушка. – Столько женщин доверилось вам по каким-то причинам, пусть один раз наоборот будет!

– Вы не перестаете меня удивлять! – только и нашёл, что вымолвить, капитан.

Появился Николай, он был одет просто, по-крестьянски: в брюки и красную рубашку навыпуск, подпоясанную кушаком. Поздоровался, оценил, сколь велико изумление Лужницкого, ухмыльнулся и сказал:

– Сестрица моя Вас лечить решила, так не отказывайтесь – у неё руки лёгкие.

Лужницкий поудивлялся, подумал и решил: «А, была – не была! Где наша не пропадала?» Любопытно же проверить, что сия девица на самом деле может. Ну не избавит от болей, так хоть память о занятом эпизоде останется.

– Хорошо! Доверяюсь Вам, Татьяна Андреевна! Ваши глаза столь обворожительны, а слова столь приятны, что не могу отказаться.

Татьяна повела его в другую комнату. Открыли дверь, и насыщенный аптечно-луговой запах ударил капитану в ноздри, напоминая разом и знойные сенокосы, бойких задорных крестьянчек из его имений, и нудных докторов, что возникали возле постели, когда он болел, приводя в уныние своим умничаньем и многозначительными латинскими изречениями. В сей комнате на столах, на подоконниках, на полках шкафов были разложены для просушки разные травы и коренья, ароматные пучки трав были развешаны по стенам на бессчётных гвоздях.

Похоже, девочка знахарством всерьёз увлечена, хмыкнул про себя Лужницкий. А она указала на стул:

– Снимайте сюртук и рубашку, садитесь сюда, лицом к спинке стула, руки на стол.

Сюртук Лужницкий снял и замешкался: обнажаться при девушке вроде бы неприлично.

А она уже подторапливала:

– Быстрей, пожалуйста. Ни за что не поверю, что Вы стеснительны, что ни разу свой торс перед женщинами не обнажали.

Николай изрёк назидательно:

– Танюха, пора тебе знать, что настоящий мужчина обнажается, когда и дама уже без платья.

– Помолчи, а? – отмахнулась она.

Лужницкий зажал смешок и рубашку снял: что ж, не одна из милых обожательниц говорила, что у него тело Геракла, пусть и девочка полюбуется. Уселся на стул, как указала Татьяна. И всё ж почувствовал вдруг записной ловелас, что краснеет. Хорошо, что она за спиной встала. Барышня начала ощупывать плечо, её тоненькие пальчики водили по сломанной ключице, по рубцу от раны, затем пробежались по руке до кисти. Проверила другое плечо, здоровое, снова к больному вернулась...

– Скажите, боли у Вас как идут? От плеча через всю руку и к указательному пальцу, так?

– Так и есть...

– Ага... Ключица срослась нормально, болит не из-за неё. Похоже, у Вас от удара кости сдвинулись. Сейчас попробуем сустав на место поставить. Расслабьте руку, не напрягайтесь. Николя, бери!

Цыган взял больную руку капитана, отвёл в сторону, натянул на себя, стал поворачивать ладонью вверх, вниз, как приказывала девушка, её пальцы на что-то надавливали в суставе. И вот она сжала плечо, приказала: «Давай!», юноша резко дёрнул руку, отпустил, развернул, снова дёрнул. По руке проскочила резкая боль, потом отпустила. Таня ещё раз прощупала весь сустав, сказала: «Кажется, получилось»

– Рука у Вас, может, еще поболит пару дней. Если дольше, значит, не удалось вправить. Но, кажется мне, всё в порядке... – сообщила Таня и стала давать наставления. – В любом случае пока надо беречься от ударов и резких толчков, от тряски: кости привыкли к неправильному положению, так по привычке могут на старое место вернуться...

– Да, Всеволод Аркадьевич, Вы теперь и с дамами осторожней – не позволяйте им на эту руку ложиться, – дал свой совет Николай и сестре стал втолковывать. – И ты, Танюха, запомни: после свадьбы у Серёжки на руке не спи, подушки есть. А то у него вывих будет, а я лечи потом.

Лужницкий не мог видеть, что за выражение лица было у девушки, но голос её стал очень ядовитым:

– А у тебя мозги уже сейчас вывихнуты, и лечению это не поддаётся, как я погляжу.

– А чё, я не прав? Запоминай, пока я рядом. В Смольном обучили одни реверансы делать. А я тебе говорю о том, что в жизни важно. С мужем в спальне другие реверансы делать придется. Правда, господин капитан? Небось, Вас не реверансы в дамах привлекают, а кой что другое...

– Ладно, вы тут о своём, о кобелином, без меня болтайте. Я в гостиной подожду, – надменным тоном сказала Татьяна и вышла.

– А наше, кобелиное, тебе тоже знать полезно! – крикнул ей вслед Николай, а капитану сказал самодовольно. – Хорошая у меня сестричка, правда? Одна беда: упрямая донельзя, как ни воспитываю, а всё по-своему...

Лужницкий, слушая перепалку брата с сестрой, похихатывал про себя. Поправил рубашку, застегнул мундир, вместе с Николаем они вернулись в гостиную. На столике перед Татьяной уже стоял кофейник, чашечки, в вазочках лежало печенье, булочки.

– У меня к Вам только одна просьба, Всеволод Аркадьевич, – сказала Татьяна. – Пожалуйста, никому об этом не рассказывайте, даже не намекайте... Хорошо?

– Бойтесь огласки?

– Знаете, когда я хочу что-то сделать, первым делом думаю, а как мои воспитательницы из Смольного это бы восприняли. Поняла, что Вас лечить надо, а представила, что сказала бы Амалия Львовна... О, нет! Если б не Серж, я сама бы не решилась... И прошу не выдавать меня, – объяснила Татьяна и улыбнулась смущённо.

– Пожалуй, Вы правы, – покивал головой капитан, соглашаясь с нею. Он хмыкнул, представив, как почтенные дамы могут в ужасе глаза закатывать, рот беззвучно открывать, красноречиво показывая, что у них не находится слов для передачи своего возмущения, если вдруг узнают, что юная барышня позволяла себе любоваться на мужчину не то что без мундира, а даже без рубашки, да ещё и прикасалась к голому мужскому торсу! – Обещаю, что никому ничего не скажу. Но ради чего Вы занимаетесь таким «неприличным» делом?

Татьяна лишь вздохнула грустно, за неё ответил Николай:

– Куда ей деться? Судьба такова! А с судьбой не поспоришь.

Глава 13

Серж приехал через день вечером, застал Таню в той же комнате, где капитана лечили: она, как истинная знахарка, перебирала пучки трав. Серж остановился на пороге, любясь невестой:

– Какая ты!.. Стрекозка милая, ты обворожительна до умопомрачения... Моя во-ро-же-я!

Она улыбнулась, ожидая следующего комплимента от жениха.

– Могу поздравить, ты произвела большое впечатление на Лужницкого... И что странно: я отчего-то ни чуточки тревоги не испытываю, ни капельки ревности... Иль ты меня обворожила, глаза затуманила?

– Как же: обворожишь тебя!? Не выдумывай! – Таня обиженно надула губки, но Серж, конечно, чувствовал, что она ворчит лишь для вида, и вопросительно брови поднял. – Мужчины из нашего рода неподдающиеся. Забыл? Сколько раз в детстве я пыталась заставить вас с Кало под мою дудку плясать, а вы лишь дурачились, да ещё пуще насмехались надо мной...

– Отнюдь, мы не насмехались, а защищались! – возразил Серж. – Хотя признаю, было потешно наблюдать, как ты вся напыжишься, глаза прищуришь, уставишься на меня иль Кало, а у тебя ничего не выходит, не можешь в лужу уронить ни меня, ни его... Тебя сильно обижало, что мы смеялись?.. – спросил он и подошёл поближе, склонил перед ней голову. – Если так, прости... Да, слушай, а на Юрике и Сене ты испытывала свою силу иль нет?

– Не помню... Кажется, у меня никогда не возникало желания подшучивать над ними. Да и за что? Они не вредничали, не устраивали никаких каверз, в отличие от вас... И вообще: Сеня и Юрик в сравнении с вами – ангелы во плоти, одни сплошные достоинства.

– Что?! А вот сейчас я ревную! – строго напустился он на невесту. – И кого ж ты любишь? Признавайся!

– И правда, Серж, сама себе удивляюсь, – Таня распахнула глаза, показывая, сколь сильно поражена этим открытием. – Порой мне кажется, что и Сеню, и Юрика я люблю больше. Юрик куда как безупречнее, чем ты...

– Что за дерзости я от своей невесты слышу! Желаете, чтобы я Георгия на дуэль вызвал?.. – возмутился жених и мстительно добавил. – И зря считаешь его безупречным! Знала б ты, как гардемарины себя ведут. Похлеще гусар! В каждом рыбацком себе, где их суда причаливают, месяцев через девять столько детишек рождается! Не удивлюсь, если наш ангел во плоти, Юрик безупречный, какой-нибудь чухонке такой подарок оставил. Может, и не одной!

Таня засмеялась примирительно: что-то Серж злится, подразнила его, да и хватит.

– Ну, ладно тебе. Считай, что все сии дерзости: мой последний рубеж обороны. Увы, готова пасть тебе на грудь, ищу последние силы, чтоб удержаться, цепляюсь за всё, что под руку подвернётся, как утопающий за любую соломинку...

– Соломинку? А в это позволю не поверить! – прижимая невесту к себе, вдыхая запах её волос, с сомнением и одержимостью счастливейшего влюблённого, готового броситься в бездну вниз головой, произнёс Серж. – Что-то мне кажется: никакая ты не утопающая, а словно коварная русалка, заманиваешь, чтобы меня утопить вернее. Сколько впереди будет таких вот «последних рубежей твоей обороны», которые мне придётся штурмовать?

– А сколько нужно, чтоб ты счёл, что тебе не скучно рядом со мной?

– Что? – спросил Серж, приподнял её подбородок и строго пожурил. – Это всё говорилось, чтобы я не скучал? А если б я поверил?.. – но твёрдости жениху хватило ненадолго, не мог он сохранять суровый вид возле Тани. – Впрочем, ты права: я уже доволен. И весь в предвкушении блаженства, что ждёт меня после свадьбы...

Невеста блеснула радостно глазами и переменяла тему:

– Так что с Лужницким, что он сказал?

– Ничего особенного, просто пожал мне руку и поблагодарил за доверие, сказал: «Ценю, не забуду!» Но главное не то, что сказал, а как выглядел: был задумчив, важен; наши острословы уже упражняться на его счёт начали. Спрашивали, каким ядром его контузило, по какому месту, иль это стрела Амура его насквозь пронзила? А он даже не отвечал на шутки, лишь отмахивался.

– Это ему несвойственно?

– Ни в коей мере!

– Мне кажется, Лужницкий всю жизнь будет нам добрым другом и никем другим. Правильно, что ты не ревнуешь, у тебя тоже есть чутьё.

– Надеюсь. Ох, какое же мне нужно чутьё, чтобы знать, от кого исходит опасность, кому можно доверять! ...Присядем.

Жених потянул Таню к стулу, усадил к себе на колени, обнял, губами осторожно касался её виска, щёк. Таню это волновало и пугало одновременно и, чтоб отвлечь его, она поделилась своими мыслями:

– Всё же мы мало времени вместе провели... Помнишь, когда мы в деревне жили, тебе ни разу не удавалось подкрасться ко мне незамеченным, я тебя издали чувствовала. А потом это пропало. Когда мне в Смольном сообщали, что меня в зале для гостей ждут, я заранее не могла понять, ты там иль кто другой. Сейчас это чувство заново появилось – я уже минут за десять знаю, что ты рядом. Только странно: я всё жду того мальчика, какой в деревне был. Знаю, что ты повзрослел, а, наверное, потому, что не привыкла ещё, вот появляешься ты в дверях, и я каждый раз удивляюсь, что предо мной не тот мальчик, а вот какой высокий, возмужавший... Мужчина... И, как оказывается, хорош собой... – последние слова она озвучила почти совсем упавшим голосом, удручённо, потому что это было правдой, которая её саму страшила. Она всегда любила Серёжу, но не так, раньше он был самым близким другом, а сейчас... Сейчас он волновал не только душу...

– И ты догадываешься, какие чувства во мне бродят? – спросил он, касаясь губами её виска. Таня кивнула, и он задал следующий вопрос.

– Тебе это нравится?

– Не знаю...

– Говорят, девушки боятся первой брачной ночи, а я этого тоже боюсь. Я очень-очень люблю тебя, и... О! если б ты знала, как я жажду тебя! – выдохнул он с жаром, помолчал, добавил. – Однако больше всего я боюсь обидеть тебя... Желая тебя страстно, и сам себе варваром, дикарём кажусь...

– Но мы же спешим со свадьбой только, чтоб я получила право тебя сопровождать, – растерянно ответила она. – Это главное, а что по ночам делать, менее важно. Правда?

– О нет, стрекозка моя, нет и нет. Ночь – важнее всего! – воскликнул Серж. – Для меня – важнее. Ответь откровенно, что ты сама о близости думаешь? Боишься иль нет?

Да, беседовать на эту тему в Смольном её не учили. Таня, дерзкая, остроумная, кою, кажется, ничего на свете не могло испугать, смутилась. Вскочила с колен жениха, пересела на другой стул, подхватила веер, прикрепленный к поясу, закрыла им пол-лица, посмотрела над веером строго-строго:

– Фи! Какие непристойные вопросы Вы сегодня задаёте, господин поручик!

Сергей погладил её руку, посмотрел умоляюще:

– Тань, не дурачься, я серьёзно спрашиваю... Знаешь, сегодня в полку острословы наши обсуждали историю, что зимой с одним штабс-ротмистром случилась. Он женился и, как уверяют, по любви, казалось, что барышня тоже влюблена, а когда после свадьбы он завёл её в спальню и попытался раздеть, она истерику устроила: мол, как Вы смеете? Представляешь,

выскочила из спальни, уже без фаты, но в платье, убежала к родителям с криками, что этот мужчина ведёт себя неучтиво!

– Бедная наивная девица! – сочувственно покачала головой Татьяна.

– Бедный штабс-ротмистр! – горячо возразил Серж. – Вообрази, каково ему! Где б ни появился, сразу либо напрямую его спрашивают, либо за спиной шушукаются: «Это тот, что с жены подвенечный наряд не смог снять? От коего невеста из спальни сбежала?» Прям, хоть имя меняй: так якобы влюблённая невеста опозорила... Наверно, думала, что муж лишь для того, чтоб на балы её вывозил!.. И меня офицеры сегодня по пятам преследовали, каждый норовит совет дать, один другого пикантней, каким образом тебя удержать в спальне, чтоб сходного конфуза не случилось...

– Ммм... Знаешь, Серж... пожалуй... я... так и быть... я не сбегу... – смиренно потупив очи, пообещала Татьяна.

– Не сбежишь? – лукаво посмотрел он. – И на том спасибо.

Она со шелчком захлопнула веер, отбросила его, улыбнулась, как заговорщица, и, стрельнув глазками, слегка виноватым голосом призналась:

– Можешь считать, что тебе попалась самая бесстыжая невеста, если правду скажу... Не понимаю, как можно бояться того, чего не знаешь... Меня больше не страх, а любопытство гложет... Когда узнаю, тогда скажу, страшно иль нет.

Жених, следя за кокетливо-застенчивыми и, в общем, милыми ужимками юной барышни, выдохнул шумно, словно гора с его плеч свалилась, засмеялся облегчённо и, склоняя голову к её коленям, сквозь смех выдавил:

– Достойный ответ дочери Евы! Любопытно ей!

Танюша, поглаживая его волосы, спросила:

– Да, я – дочь Евы, а Вы, друг мой, – кто? Мне начинает казаться, что Вы – даже не Адам, а демон-искуситель, – пожеманилась ещё немного, а потом уже более серьёзно добавила. – Думаю, это всё кажется совсем ужасным тем девушкам, которые без любви замуж выйдут... Недавно с тётушками по Летнему саду прогуливались, и там встретилась такая пара, что жутко стало. Представь: он – старый, невысокий, на тоненьких кривых ногах, с огромным пузом, словно луну проглотил, и ручки у него худенькие: точь-в-точь – паук! Под руку с ним дама: молодая, красивая, даже ростом выше. Лизавета Никитична раскланялась почтительно, а потом сказала, что это какой-то советник придворный, возле него – жена, ей все завидуют, поскольку он её, бесприданницу, из жалости взял. Я как представила: что там за счастье может быть? Я бы утопилась лучше, но такому пауку не позволила притрагиваться к себе! Как можно пусть ради самого большого богатства девицу в такие руки отдавать?

Сергей, подумав, сказал:

– А что делать, если у родителей, возможно, ещё куча детей, коих кормить нечем? Она, может, пожертвовала собой, чтобы младших братишек, сестрёнок от голодной смерти спасти. В корпусе было много кадет из бедных семей, пожалуй, они бы на ту даму другими глазами посмотрели... И к тому ж, советник может оказаться вполне прекрасным человеком...

– Может быть... – Таня предпочла согласиться: чтоб не расстраиваться из-за судьбы молодой дамы, лучше считать, что её муж, хоть и некрасив, а человек хороший. Почувствовала, что сейчас дверь откроется, и сообщила. – Ой, Кало идёт сюда.

– Надеюсь, он не будет возмущён!

Николая и в самом деле не возмущало то, что сестра позволяет Сергею обнимать себя, но сыграть роль ярого защитника нравственности он был не прочь. Зайдя в комнату, встал перед юной парой, подперев руки в боки и изобразив грозный оскал на своем лице.

– Та-а-ак! Опять целуются! Танюша, он тебя не обижает? Серёжка, ты смотри у меня, чтобы до свадьбы – ни-ни! Я ведь на дуэль вызывать не буду, а зарежу по-цыгански, без всяких секундантов и свидетелей! Всё уяснил?

– Мы не целуемся, мы знаем, что до свадьбы – ни-ни! – заверила сурового брата Таня. А Сергей откинулся на спинку стула и иронично оглядывал друга детства.

– Целищев, Вы с завтрашнего дня в полку должны быть. Советую привыкать, что я – Ваш командир! ...Раз уж изъявил желание в моём взводе служить, изображай чинопочитание. А то отправлю на гауптвахту за подрыв авторитета.

– Разрешите доложить, Ваше благородие! – вытянувшись в струнку и прикладывая руку к голове, бодро отвечал будущий солдат. – Я уже съездил в полк вместе с мадам Стрешневой, форму получил, только Владимир Васильевич сказал, что в полку я пока без надобности, без меня обойдутся, он мне более важное задание дал: помогать Варваре Борисовне. Так что завтра меня в строю не будет, гауптвахта подождёт.

– Подождёт, подождёт! – улыбаясь по-иезуитски, пообещал поручик. – Запомните, Целищев, если на голове фуражки нет, руку к голове не прикладывают, это нарушение устава. Командира эскадрона по имени-отчеству называете, а рядовой обязан его по должности звать и добавлять «их благородие». Если нарушения будут повторяться, придётся Вам всё-таки гауптвахту посетить.

Николай расслабился, поглядел оценивающе на друга, наморщил лоб:

– Слушай, так чё делать-то? Может, прямо сейчас тебя и прирезать, чтобы не успел на гауптвахту уечь?

– Хватит вам, петухи драчливые, – прикрикнула на молодых людей Татьяна. – Вечно, как сойдётесь, так и начинаете пикироваться. И отчего вы оба такие вредные?

– Не вредней тебя, стрекоза, не вредней, – уверенно ответил ей брат, и его сразу же поддержал жених:

– Полностью согласен!

– Ага, сейчас вы вдвоём на меня нападать будете, вредины вы и есть, – девушка вскочила со стула, собралась уходить. – Ну и оставайтесь здесь, деритесь, режьте друг друга, если другого занятия не придумали, а я пойду к тётушке.

Но её перехватил Кало, приобняв за плечи:

– Ну, не злись, сестричка, а? Вредные, признаю, так и ты у нас не сахар. Однако ж любим тебя. Лучше пойдёмте-ка, вина попробуем. Я сейчас от Милашкина, он мне вин разных дал на пробу, чтоб определили, какие на свадьбу брать.

Перешли в столовую, где на столе красовалась внушительная батарея зелёных, красных и белых бутылей: и наливочки, и настоечки, и французские, и итальянские, и российские. Николай, указывая на одну за другой, объяснял:

– Вот это вино сухое, говорят, надо конфетами закусывать или яблоками мочёными, это – под рыбу, а это – к мясу хорошо идёт. С чего начнём?

Сергей потрясённо разглядывал сию батарею:

– По-моему, за один вечер не управиться. Иль тебе по силам всё продегустировать?

– Что сможем, то сможем. Что не сможем, на завтра оставим, – сказал Кало. – А Танюхе я только одно вино попробовать дам. Не обижайся, сестричка. Ты у нас и без вина опасная, рисковать ни к чему.

– А Серёже не опасно? Ему ты доверяешь? – осторожно спросила Таня.

– Ему – доверяю! Уже испытано: твой жених крепкий, не бойсь. А если вино ему в голову всё ж ударит, то я рядом, усмирю.

Серж напомнил о форме:

– Мундир то где? Надень-ка, покажись. Хоть проверим, впору ли? За него и выпьем.

– Сейчас! А вы пока на стол соберите!

Таня позвала Анастасию Павловну, кликнула слуг, велела накрывать стол. (Семёна не было дома, он в последнее время стал вести активную светскую жизнь, почти все вечера пропадавал то в театре, то в придворном оркестре, то развлекался на музыкальном вечере гостей

какого-нибудь вельможи.) Тётушка пришла, тоже с весёлым изумлением осмотрела заставленный бутылками стол, покачала головой. Николай вернулся в драгунском мундире. Мундир был ему к лицу, сидел неплохо, разве что в боковых швах нужно было ушить, подогнать по фигуре. Таня и Серж, оценивая, просили покрутиться, отойти подальше, подойти поближе, а Анастасия Павловна, глянув на сына, побледнела, ахнула, рот зажав, у неё даже слёзы выступили.

– Матушка, милая, ну плакать-то зачем? – переполошился Кало.

– Тётушка, не переживайте, бояться нечего! – стала успокаивать её Таня. – Даю Вам слово, что Кало уцелеет на войне, ничего ему не сделается, он ещё нас всех переживёт.

– Танюша, не говори так, на себя беду не кличь! – испугалась тётя уже за неё.

– Я и не кличу. Просто вижу, что Кало наш чуть не до ста лет проживёт, подвигов насOVERшает больше всех, а на старости примется мемуары писать. И за нас с Сержем переживать не надо: и мы немало проживём, лишь чуть поменьше, чем этот баловень судьбы.

– Что?! Ничего себе: баловня нашла! – возмутился Кало. – Не хочу я до ста лет жить! Эка радость! Скрючиться, ходить-стонать при каждом шаге, старыми костями греметь, иль уже и рукой-ногой двинуть не мочь: а всё – живи? Не по мне это! Сама так решила избежать этой участи, а мне сулишь? Ну-ка, наоборот ворожи!

– Кало, милый, не спорь, не гневи Господа! – умоляла его мать.

– Мама, не хочу я стариком быть! По-моему: дожить до сорока, иль разве что до пятидесяти, и – баста! Зачем дальше-то? Одни болячки собирать!

– Что ты, сынок, что ты!? Подумай-ка: мой отец до 64 лет дожил, и разве лишка?

– Дедуля? Да нет, не лишка... – Кало поднял брови, изобразив на лице великую задумчивость, и великодушно поддался на уговоры. – Ну ладно, так и быть, до семидесяти лет потерплю. А дальше всё равно ни к чему.

Раскупорили бутылки, плеснули в бокалы, отпили, другого вина испробовали. Николай, с видом знатока подержав во рту одно вино, попробовав другое, вынес вердикт:

– Из сухих, пожалуй, лучше французское... Ну-к, настойки налей!

Выпили за счастье, за новый мундир Николая, за удачные дороги, за то, чтобы все дороги возвращали их домой. Тётушка засиживаться не стала, сказала, что на душе тревожно, сходит к Заре во флигель, попросит погадать, правду ль Таня предсказывает.

Николай посмотрел на Таню и строго спросил:

– Ну-ка объясняй, с чего ты решила, что вы оба меньше меня проживёте?

– Показалось так... Как будто страница из книги судеб вдруг приоткрылась...

– Плохо... – задумчиво сказал он. – Однако знаете, что я скажу. Я от цыганок слышал, что они, бывало, нагадают кому-то только год жизни, предскажут, что умрёт он, например, по пьяни иль с лошади упадёт. Человек струхнёт, меняет жизнь, с мольбами к Господу обращается, и не сбывается то, что казалось обязательным, живёт и живёт себе и второй год, и третий, бывает, и до глубокой старости дотягивает. Значит, срок можно и продлить. В книге судьбы было записано одно, а если человек решительно переменит самого себя, то и записи в той книге меняются. ...Помните, что в Библии о Ниневию сказано? Господь решил уничтожить город, но жители его стали умолять о прощении, и Он сжалился. А жители Содомы не вняли словам ангелов и погибли.

– Интересные мысли... Спросить бы священника... – проговорил Сергей.

– Я и так знаю, что он ответит, – живо отозвался Николай, приосанился на стуле, сделал рукой жест, как будто бороду поглаживает, оглядел друзей свысока, важно и, придав голосу многозначительной важности, басовито изрёк. – Неисповедимы пути Господни, сын мой.

Танюша, крутившая в руке бокал с вином, из которого она отпила всего пару глотков, негромко произнесла:

– Наверное, чтоб Господь смилостивился, надо совсем безгрешную жизнь вести. А я как ни стараюсь я все заповеди соблюдать, не получается...

– Ты, сестричка, главное, седьмую заповедь блюди: не прелюбодействуй! – назидательно поднял вверх палец Кало.

– Думаешь, главное? Ну, её-то исполнять легко, – она расслабилась, отпила чуть из бокала и, вспомнив нечто, давно её забавлявшее, решила поделиться с друзьями. – Знаете, в молитвенниках, что нам выдавали в Смольном, седьмая заповедь вообще была заклеена бумажкой, чтоб юные воспитанницы не только не помышляли об изменах, но даже и не знали, что такое возможно.

– Вот это да! Неужто, правда? – изумился Кало. – Ну, старые девы, карги глупые, до чего додумались!

– Ханжество в высшей степени! – возмутился Сергей. – Как хорошо, что ты вышла оттуда... Вот из-за таких наставниц и происходит то, что со штаб-ротмистром Ртищевым...

Николай хмыкнул многозначительно, показывая, что ему тоже известна сия история, вынес свой вердикт:

– Хорошо, что стрекозку нашу те карги не переделали на свой лад!

– О! Где им переделать меня! Я до поступления в институт успела узнать то, что те надзирательницы и к старости знать не будут. Сколько раз роды принимала! ...И уверена, что невеста штабс-ротмистра не в Смольном воспитывалась. Смолянка, сколь бы ни тряслась от страха, не сбежала бы. Нам внушали, что жена обязана во всём-превсём мужу повиноваться. Полное безоговорочное подчинение мужу – обязанность женщины.

– Подчинение и всё? – уточнил Серж.

– А что ещё они могли сказать? Заунывным голосом вдалбливали, что, выйдя замуж, женщина обязана исполнять все прихоти мужа, сколь бы жуткими они ни казались, и делали такие страшные глаза, как будто намекали, что муж имеет право жену на кусочки резать да на костре поджаривать. А я думала, думала и решила, что, может, всё не столь страшно, может, воспитательницы эти ужасы для самих себя вещают, чтобы замужним дамам не завидовать...

Молодые люди засмеялись, Николай промолвил:

– Правильно, а я ещё послушаю, что ты после свадьбы скажешь. Любопытно, сколь сладким муж покажется.

– Что!? Считаешь, я перед тобой отчитываться должна? Не дождёшься! – дерзко ответила Таня.

– И не надейтесь от меня что-то утаить! – заявил Кало, однако сменил тему разговора. – Давайте за дружбу выпьем. Хорошо, что мы вместе в поход пойдём, хорошо бы вместе и вернуться. А ведь многим я тебе, Сергей, обязан, многим.

– Чем же? Разве что дружбой?

– Да хотя б тем, что учиться чуть не силком заставлял. Сам бы я не стал над книжками корпеть. Отец говорил, что для цыгана это лишнее, да и самому не больно-то хотелось. А ты убеждал, я и втянулся потихоньку... А сейчас, гляньте-ка, даже медаль при выпуске из училища получил! ...Я вот подумываю: не открыть ли дело своё, стать, например, конезаводчиком.

– Отчего бы и нет? – обрадовалась Таня. – У тебя это пойдёт наилучшим образом!

– Надеюсь, но ... – Кало вдруг поморщился, недовольно помотал головой. – Только для этого ж возле завода жить надо, следить за всем самому. А я ещё хочу по свету белому помотаться, в кибитке под вольным ветром ночевать, чтобы одеялом мне только чёрная ночь да небо звёздное были, чтобы костёр рядом дымился, скрипка цыганская пела, птичьим трелям вторя, чтобы... Эх! – И он взмахнул руками, развел их, как цыган в танце, закрыл глаза, замер в напряжении, будто представляя, что возле него сейчас страстная цыганка кружится. А потом уронил руки, посмотрел жалостно на друзей своих. – Честное слово: не знаю, за что взяться. И туда хочу, и сюда хочу, и одно дело нравится, и другое! Хоть разорвись!

Друзья глядели на него, улыбаясь понимающе. Сергей промолвил:

– Сейчас мы как раз по свету мотаться будем, пока вернёмся, ты и определишься с выбором.

Танюша улыбнулась друзьям:

– Я вот сижу и люблюсь вами обоими. Как хорошо, что у меня такой брат есть! И как хорошо, что мне Господь такого жениха послал!

Сергей утвердительно покачал головой, а Николай хмыкнул:

– А как же?! Конечно, хорошо. Только, пожалуй, оставлю я вас. На меня нашло чего-то, мечтательность какая-то непонятная. Вино, видать, забористое... Полезу-ка я на крышу, там спать улягусь. Хоть и не широкая степь вокруг, да и ночи белые, звёзд не увижу, а всё свободней... – и Кало поднялся, пожал руку Сергею, наклонившись к сестре, поцеловал её в щёку. – Пойду я, – а перед дверью ещё обернулся и напомнил. – Но вы чтоб – ни-ни! Без вольностей!

Сергей засмеялся и крикнул ему вслед:

– Ты там мундир не порви да не извазюкай в птичьём помёте.

– Слушаюсь, Ваше благородие, – раздалось уже из коридора. – Переоденусь!

Но вот массивные напольные часы, стоящие в простенке меж окон, подали знак: гулко, протяжно пробили двенадцать раз. Сергей засиделся у невесты, пора уезжать. Он вздохнул обречённо, Танюша пожала плечами: ничего не поделаешь, напомнила:

– Серёжа, а ведь по обычаям жениху и невесте перед свадьбой запрещено видеться.

– Чтобы некогда было им заранее обсудить то, о чём мы сегодня говорили? Глупо... Пожалуй, попрошусь, чтоб меня назначили на ночные дежурства сейчас, чтобы после свадьбы не тревожили... Но если я не буду приезжать, кто вина дегустировать будет?

– Ах, вон что: мой жених до свадьбы спиться решил! Нет уж, лучше в казармах дежурь!

– Не желаешь меня видеть? – попробовал обидеться Сергей. Но и сам знал, что это не так, и не стал дожидаться ответа. – Возьму несколько бутылок с собой, товарищи пусть попробуют.

– Не здесь, так в казарме пить будешь? Куда ни кинь, всё нехорошо!

– Куда ни кинь – всё хорошо, стрекозка, всё хорошо!.. Трофим! – крикнул он слугу, и когда тот появился в дверях, приказал. – Составь вино в корзину, вниз снеси, я заберу, – потом повернулся к барышне. – Кстати, полковник спрашивал, что на свадьбу невесте подарить?

– Что? – ей не нужно было думать над этим вопросом, ответила уверенно. – Драгунский мундир, такой же, как у Кало!

– Вряд ли он такой подарок вправе делать, на это, я думаю, высочайшее соизволение нужно.

– А если не может мундир подарить, то мне безразлично...

Рука у Лужницкого уже не болела, но это ещё ничего не значило: боли и раньше то отступали, то вдруг наваливались на него мучительными приступами, выкручивали руку, мочалили нервы. И он пока не радовался: вдруг снова вернуться? Но боли не возвратились ни через пару дней, ни после – он и думать забыл о них. Вспомнил потом свои собственные слова, что говорил Лапину в первый раз: смолянка – значит, наивна и неопытна. Эта же девочка, вышедшая недавно из Смольного, удивляла как раз женской мудростью и смелостью. Неординарная особа! И он удивлялся: каким же твёрдым характером нужно обладать, чтобы и в Смольном, в этом монастыре, остаться самобытной, столь не похожей на других.

Глава 14

Жениха и невесту от подготовки к свадьбе отстранили. Командовала мадам Стрешнева: считала, что обязана похлопотать. Как не помочь родне? К тому же друзья Сергея проявили интерес к её дочкам, вдруг и у них до свадьбы дело дойдёт?

Стрешнева со сватьей не всегда сходились в суждениях. Оказалось, на Москве свадьбы проходят не совсем так, как в северной столице, обычаи разнятся. Потому спорили иногда. Активно вмешивалась в обсуждение Ариша – кормилица Тани. Её с Трофимом Танина бабушка ещё зимой в столицу отправила: как чувствовала, что их помощь внучке скоро понадобится. Нянька вспоминала, как принято девушек в их краях выдавать, о свадьбе Таниной матери рассказывала, убеждала барынь, что и у Тани всё по-тамошнему должно быть. Не сойдясь во мнении, дамы как-то у невесты поинтересовались, а ей какой обычай больше нравится. «Тот, что короче, чтоб быстрее всё кончилось!» – ответила та. Тётушки переглянулись с улыбками и не стали более её озадачивать.

Таня, вроде бы, и не волновалась накануне свадьбы. Казалось: венчание – лишь формальность, без которой нельзя будет сопровождать Сергея. Сходила утром к причастию, поговорила с батюшкой, не изливая перед ним все тревоги – батюшка был незнакомым. Серж на причастие ходил в другую церковь, возле их дома, где и крещён был. В той церкви и венчание назначено. Вернулась домой. Девушки с песней платье белое внесли, причёсывать, наряжать под свадебные причитания начали.

«...Мне садиться-то красной девице,

Мне во место-то во печальное,

Во печальное, да горе-горькое!

Вы, соколики, братцы милые,

Вы пропили меня, разлюбезные,

За стакан один зелена вина...»

«...Ветры буйные, разбушуйтесь

Заметите-ка путь-дороженьку

Не пройти бы да не проехать,

Что за мной, младой, чужим людям!»

Девушки пели о горькой женской доле, о том, как боится невеста в чужой дом отправляться, а Таня слушала их и в душе посмеивалась: с какой стати она должна опасаться замужества, зачем молить, чтобы «ветры буйные замели путь-дороженьку» жениху её? А слова про братьев-соколиков, пропивших сестру за стакан зелена вина, понравились, ими потом можно будет Колю с Сеней поддразнивать. Девушками командовала Ариша, тут же и Зара была. Аришу с Зарой пугало, что свадьба в мае, худая это примета, не дай Бог всю жизнь маяться. Значит, говорили, все другие приметы надо исполнять пренебреженно. Обязательно перед входом в церковь-то за скобу на дверях подержаться и заговор про себя прочитать – чтобы все болезни и скорби на скобе оставить. Советовали, с какой ноги в церковь заходить, как на рушник перед аналоем вставать. Таня отшучивалась. Мадам Стрешнева даже укорила,

мол, нельзя невесте столь легкомысленной быть. Потом дружки-шаферы приехали. Таню из комнаты не выпускали, она из-за двери слушала, как в гостиной дружки с её братьями и тётушками, с девушками, наряжавшими её, торгуются. Слушала и удивлялась, как складно там граф Звегливец речи ведёт, как весело и впопад ему поддакивают Юрик да другие ребята. Ни за что бы не подумала, что Фёдор такие приговоры да запевки знает! Иль специально к свадьбе выучил?

– Пришел я, дружка, легкая ножка, удаля головка, в теплую хату, к любезному брату, ножку поставил на порог, другую чуть переволок, ножкой топнул, дверь хлопнула, половички гнутся, хозяева к печке жмутся. Взошёл я, дружка, помолился, добрым людям поклонился... – напевно выговаривал он.

Девушки, обученные Аришей, потешаясь, поддразнивая дружек, поют:

«Идет дружка наш хорош,

На лиху болесть похож!

Друженька хорошенький

Друженька пригоженький!

Ну-ка, дружка, поскачи,

Вытряхай-ка калачи...»

А Фёдор, граф наш золотой, напоминающий иногда, что по матери он из рода князей Пожарских происходит, и не обижается ни на сколько, что его с лихой болезнью сравнивают, чем-то девушек одаривает, задабривает. Потом Николай с Семёном свои речитативы завели – а как же братья невесты молчать будут, дружки и их чем-то отоваривают, уговаривают. «Как жаль, что я не вижу сего спектакля!» – слушая песенки и прибауточки, хихикала про себя невеста. Потом вывели её, усадили в центре гостиной. И скамью-то из людской притащили специально, и шубу мехом вверх уложили на ней! К Тане кинулись и тотчас же рядом вплотную с обеих сторон братья уселись, торговля за место возле невесты началась. Как забавно это! Таня мало свадеб видела, да и то лишь крестьянские, в детстве в церковь во время венчания захаживала, а в избы наблюдать, как выкуп невесты проходит, не заглядывала и думать не думала, что это столь занятно. И тут со стороны не пришлось поглазеть: только сиди, голову склоняй, чтобы люди добрые, гости дорогие увидеть не могли, что невеста не плачет, не рыдает, а еле смех сдерживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.